

ДБ
30
М91

Гр. В. В. МУРАВЬЕВЪ АМУРСКИЙ.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
МУРАВЬЕВЪ АМУРСКИЙ
1809 — 1909

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
МУРАВЬЕВЪ АМУРСКИЙ

ВАРШАВА

Арт. Тип. К. Копытовскаго, Новый - Свѣтъ № 47.

1909.

309

1591.4+180

М 91

ДБ
30
М 91

Гр. В. В. МУРАВЬЕВЪ АМУРСКІЙ.
X

ГРАФЪ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
МУРАВЬЕВЪ АМУРСКІЙ
1809 — 1909

1775760

ВАРШАВА

Арт. Тип. К. Копытовскаго, Новый - Свѣтъ № 47.

1909.

300

Н. Н. МУРАВЬЕВЪ
(съ 1858 года Графъ Амурскій).

Въ память столѣтя

со дня рожденія

дяди моего.

Гр. Н. Н. Муравьева Амурскаго.

Въ этой книгѣ я помѣщаю нѣкоторыя личныя свои вос-
поминанія о дядѣ, мою статью о его участіи въ компаніи
1831 года въ Польшѣ, и мои записки объ оборонѣ При-
амурья съ краткимъ очеркомъ его побѣдоносной кам-
паніи тамъ въ 1854 — 55 г. г.

Ровно восемнадцать лѣтъ тому назадъ, а именно 30-го мая 1891 года была торжественно открыта въ Хабаровкѣ, нынѣ Хабаровскѣ, статуя покойнаго моего диди, Графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, воздвигнутая на средства, собранныя всенародной подпиской.

Годъ назадъ, т. е. 16 мая 1908 года, въ день полувѣкового юбилея присоединенія къ Россіи по Айгунскому трактату Амурской и Уссурийской страны, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ почтилъ память Графа Амурскаго пожалованіемъ имени завоевателя Амура Хабаровскому кадетскому корпусу и 2-му Восточно-Сибирскому стрѣлковому полку.

Въ нынѣшнемъ, 1909 году, а именно 9-го августа, истекаетъ сто лѣтъ со дня рожденія этого великаго русскаго дѣятеля.

Ко времени открытія памятника въ Хабаровкѣ былъ выпущенъ трудъ Барсукова „Матеріалы для біографіи Графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго“. Для этого труда мною была составлена статья, касающаяся участія диди моего въ польскую войну въ 1831 г. До передачи работы моею Барсукову я (въ то время молодой капитанъ генеральнаго штаба) представилъ ее бывшему своему профессору, А. К. Пузыревскому, который исполнилъ ее одобрить.

Къ сожалѣнiю, при отпечатанiи книги Барсукова, моя статья подверглась столь значительнымъ урѣзкамъ и искаженiямъ, что я ее почти не узналъ. Статья эта представляетъ цѣльный, законченный очеркъ изъ этой интересной кампанiи, а именно дѣйствiя отряда Е. А. Головина противъ Хржановскаго и Ромарино.

Дядѣ моему, бывшему тогда адъютантомъ Головина, еще не было полныхъ 22-хъ лѣтъ, когда пришлось исполнять порученiя обыкновенно даваемые уже опытнымъ офицерамъ генеральнаго штаба. Его не только посылали дѣлать самостоятельныя рекогносцировки, но даже и для личныхъ переговоровъ со старыми польскими генералами. (Это была еще вторая кампанiя, первая была въ Турцiи въ 1828—29 г. г., въ которой онъ участвовалъ въ качествѣ офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка).

Послѣ польской войны дядя уходитъ въ отставку и нѣсколько лѣтъ управляетъ аренднымъ имѣнiемъ своего отца. Стоклишками, въ Трокекомъ уѣздѣ.

Въ 1895 году я былъ въ Стоклишкахъ, участвуя въ полевой поѣздкѣ генеральнаго штаба. Мнѣ удалось найти двухъ стариковъ, еще помнившихъ дядю, которые рассказали мнѣ нѣкоторыя черты изъ его жизни тамъ: онъ обыкновенно по полямъ имѣнiя ѣздилъ верхомъ въ сопровожденiи большой собаки; ѣздилъ всегда безъ дорогъ, а какъ ему было ближе; передъ рѣчками не останавливался, не искалъ брода, но прямо въѣзжалъ въ воду, при чемъ часто приходилось переправляться вилавъ. Онъ открылъ въ Стоклишкахъ отличный ключъ чистой воды, который до сихъ поръ служитъ для мѣстныхъ жителей. Благодаря прекрасному знанiю польскаго языка дядя былъ желаннымъ гостемъ въ домахъ окрестныхъ польскихъ помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что отчужденiя между русскими и поляками въ то время почти не было.

Самъ я помню дядю съ 1867 или 68 г., когда онъ прѣхалъ къ намъ въ Никольское, имѣніе первой жены моего отца, въ 70-ти верстахъ отъ Москвы.

Помню дядю въ генеральскомъ сюртукѣ, сидѣвшаго въ корридорѣ у входной двери, онъ взялъ меня за руки и что то мнѣ говорилъ. Это было его послѣднее свиданіе съ моимъ отцомъ, съ которымъ онъ былъ связанъ нѣжною дружбою съ дѣтства.

Вотъ что впоследствии разсказывалъ мнѣ дядя: „Когда мѣ было 9 лѣтъ, а брату Валеріану (отцу моему) 7, насъ отдали въ Петербургъ въ пансіонъ Годэніуса; я былъ очень маленький и легкій и большой шалуунъ. Я часто приходилъ въ свободное время въ прихожую, гдѣ наши учителя оставляли свои зонтики, тамъ я выбиралъ самый большой изъ нихъ и затѣмъ подымался на крышу нашего одноэтажнаго пансіоннаго дома, гдѣ раскрывалъ зонтикъ и, держа его какъ парашютъ, соскакивалъ на землю, товарищи стояли внизу и всегда смотрѣли, какъ я это дѣлалъ. Каждое воскресенье отправляя насъ въ пансіонъ, отецъ нашъ давалъ намъ по 60 вишенъ съ наказомъ ѣсть по 10 въ день, на всѣ 6 дней недели; но мы съ твоимъ отцомъ обыкновенно сѣдали ихъ въ первый же день, такъ что во вторникъ были уже безъ вишенъ. Потомъ насъ отдали въ Пажескій корпусъ. Насъ часто возили ко Двору. Тогда насъ завивали, пудрили и тамъ мы стояли при дверяхъ. Однажды твой отецъ, которому было около 10-ти лѣтъ, находясь на службѣ въ Зимнемъ дворцѣ, пошелъ по заламъ и вдругъ увидалъ араповъ, которые стояли у внутреннихъ покоевъ,—онъ никогда не видѣлъ раньше черныхъ людей, страшно испугался и убѣжалъ. Я былъ произведенъ въ камеръ-пажи 15-ти лѣтъ и былъ первымъ въ классѣ, но раньше 18-ти нельзя было сдѣлаться офицеромъ и я 3 года пробылъ камеръ-пажомъ и все это время состоялъ при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Помню наше представленіе АЛЕКСАНДРУ I. когда насъ произвели въ камеръ-пажи. ГОСУДАРЬ не любилъ пажескій корпусъ и мы это знали. Насъ привезли во дворецъ и поставили въ рядъ; АЛЕКСАНДРЪ I-й вышелъ къ намъ, посмотрѣлъ на насъ въ зорнетъ и сказалъ: „Здравствуйте господа камеръ-пажи“: этимъ ограничилось наше представленіе.

Наша служба при Дворѣ требовала почти ежедневнаго нашего присутствія, мы ѣздили верхомъ за экипажемъ нашей Великой Княгини, стояли за ея стуломъ во время обѣда, и прочее.

Однажды, это было вскорѣ послѣ 14-го Декабря, я стоялъ за стуломъ Елены Павловны, которая обѣдала у ГОСУДАРЯ. Николай Павловичъ сидѣлъ не далеко отъ нея по другую сторону. Во время стола Государю подали какую то бумагу; прочтя, онъ протянулъ ее черезъ столъ Императрицѣ. Бросивъ на нее взглядъ она воскликнула: „encore un Mouravieff!“ Въ эту минуту я смотрѣлъ на Государя и увидѣлъ, какъ онъ глазами показалъ Императрицѣ на меня, точно хотѣлъ сказать, чтобы она была осторожнѣе, такъ какъ здѣсь присутствуетъ одинъ изъ Муравьевыхъ. Я конечно понялъ, что Государю сообщили объ арестѣ одного изъ нашихъ родичей, которыхъ много было замѣшано въ дѣлѣ Декабристовъ.

Нѣкоторые изъ фактовъ, приведенныхъ въ статьѣ о кампаніи 1831 г., я знаю со словъ дяди, — такъ онъ мнѣ рассказывалъ о томъ, какъ узналъ Чарторійскаго у Ромарино, какъ присутствовалъ при открытіи польскихъ знаменъ подъ полями казематовъ въ Модлинѣ и многое др.

Какъ я уже упомянулъ, послѣ польской войны дядя уходилъ на долго въ отставку, затѣмъ опять возвращается на службу уже въ концѣ 30-хъ годовъ, и идетъ служить на Кавказъ, одновременно съ братомъ своимъ Валеріаномъ (моимъ отцомъ).

На Кавказъ онъ вновь раненъ, 30-ти лѣтъ произведенъ въ генералы и, послѣ назначенія князя Воронцова намѣстникомъ, принужденъ оставить Кавказъ.

Замѣчательно совпаденіе судьбы дяди моего и его двоюроднаго дяди, также Николая Николаевича Муравьева (Карскаго),—послѣдній тоже ушелъ съ Кавказа изъ за Паскевича, и оба Николай Николаевичи Муравьевы потомъ прославили себя на востокѣ же: Муравьевъ (Карскій) покореніемъ Карса, а дядя присоединеніемъ къ Россіи Амура и Уссури и основаніемъ городовъ Благовѣщенска, Николаевска и Владивостока.

Дядя не былъ въ военной академіи, но недостатокъ высшаго военного образованія, правда довольно скуднаго въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, онъ восполнилъ чтеніемъ и опытомъ трехъ войнъ: турецкой, польской и кавказской, причемъ въ польскую, имѣя 22-года отъ роду, исполнялъ фактически обязанности офицера генеральнаго штаба.

На Кавказѣ дядя уже является въ роли частнаго начальника и проявляетъ большую самостоятельность и инициативу въ операціяхъ противъ горцевъ и въ сношеніяхъ съ ними.

Наконецъ, въ 1847 году, въ возрастѣ лишь 38-ми лѣтъ, онъ является на „поприщѣ огромномъ“, какъ писалъ онъ моему отцу: въ роли генераль-губернатора Восточной-Сибири, и здѣсь его боевой опытъ, энергія, работоспособность и пріобрѣтенныя свѣдѣнія даютъ ему побѣду какъ въ Петербургѣ надъ бюрократическою косностью нашего дипломатическаго вѣдомства, такъ и надъ вдвое сильнѣйшимъ врагомъ въ 1854 и 55 г. г. Стратегическій очеркъ этой замѣчательной кампаніи я помѣщаю въ концѣ этого труда. Этотъ очеркъ былъ мною составленъ въ видѣ военно-историческаго образа при представленіи мною въ 1891 году послѣ поѣздки во Владивостокъ, на Сахалинъ и на Амуръ, начальнику главнаго штаба, Н. Н. Обручеву, записки объ оборонѣ Дальняго Во-

стока. Въ настоящее время многое столь рѣзко измѣнилось, что печатаніе всей записки уже не представляетъ болѣе секрета, но она довольно интересна, какъ картина положенія нашего на Дальнемъ Востокѣ 30 лѣтъ послѣ моего дяди и за 13 лѣтъ до нашей войны съ Японіей. Краткій же стратегическій разборъ операціи дяди всегда сохранитъ значеніе, какъ, примѣръ вѣрной оцѣнки обстановки на обширномъ театрѣ принятіе не только цѣлесообразныхъ рѣшеній, но даже такихъ, на которыя не въ ту только пору, но и много позже, не осмѣлились бы рѣшиться и болѣе высоко поставленные лица.

Выводъ флота изъ Петропавловска въ устье Амура, по личному приказанію дяди, есть настолько необычное проявленіе личной инициативы въ Россіи, что 25 лѣтъ спустя послѣ этого знаменательнаго факта, т. е. въ 1881 году, ссичасъ же послѣ смерти дяди, Великій Князь Константинъ Николаевичъ говорилъ слѣдующее вдовѣ его, нынѣ покойной, Графинѣ Екатеринѣ Николаевнѣ, посетивъ ее въ Парижѣ, послѣ похоронъ ея мужа: „Ce que votre mari a fait en ordonnant de son propre chef à notre flotte de quitter Petropavlofsk en 1855, et de se rendre dans l'Amour est inouï — je n'aurais jamais osé risquer une pareille chose sans un ordre supérieur“.

Какъ подобный, хотя и гораздо меньшій по стратегической важности фактъ — есть послышка, въ 1849 году, Княземъ Паскевичемъ дивизіи Паниютина на помощь Австріи, не ожидая на то повелѣнія Императора Николая I. Паскевичъ очень гордился такою своею смѣлостью и съ удовольствіемъ рассказывалъ объ этомъ впоследствии.

Ближайшія событія вполне оправдали смѣлое рѣшеніе этихъ двухъ знаменитыхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей — но, вѣроятно, ихъ инициатива мало известна, ибо аналогичные историческіе моменты въ послѣдующее время не даютъ къ сожалѣнію подобныхъ примѣровъ.

Замѣчательно еще одно крупное проявленіе самостоятельности дяди моего въ весьма щекотливыхъ обстоятельствахъ — это его отношеніе къ Декабристамъ. Не только они пользовались въ его управленіе всякими льготами, но онъ первый ихъ посѣщалъ, когда бывалъ въ мѣстахъ ихъ ссылки. Но посѣщалъ ихъ не какъ начальникъ — а какъ равный, съ уваженіемъ относящійся къ ихъ страданіямъ. Императоръ Николай Павловичъ проявилъ величіе своей души, когда на доносѣ Иркутскаго губернатора, Пятницкаго, объ отношеніи дяди къ Декабристамъ написалъ: „Муравьевъ меня понялъ“.

Императоръ Николай I, несмотря на весь свой абсолютизмъ умѣлъ цѣнить иногда проявленіе самостоятельности и все свое царствованіе благоволилъ къ дядѣ моему и поддерживалъ его въ великомъ дѣлѣ присоединенія Амура противъ могущественнаго петербургскаго противодѣйствія.

Не надо забывать, что это было въ концѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, т. е. во время сильнаго политическаго сотрясенія всей Европы.

Этотъ губернаторъ Пятницкій былъ замѣчателенъ по своей наивности, если не сказать болѣе — въ своемъ доносѣ онъ между прочимъ указалъ на гербъ нашъ, какъ на признакъ красныхъ убѣжденій своего прямого начальника: „И въ гербѣ моемъ, писалъ онъ, даже корону проткнулъ мечомъ и стрѣлой“. Почтенный Пятницкій очевидно не подозревалъ, что въ русской геральдикѣ дворянская корона съ вложенными въ ней накрестъ мечомъ и стрѣлой есть одинъ изъ признаковъ коренного древне-русскаго происхожденія.

Изъ декабристовъ дяди былъ близокъ особенно съ семьей Волконскихъ. Въ Ноябрѣ 1881 года, въ день первой панихиды по дядѣ, который скончался 18-го Ноября — Князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, сынъ Декабриста, подошелъ ко мнѣ и со слезами на глазахъ сказалъ: „Я гораздо болѣе Васѣ обязанъ покойному Графу“. Князь Михаилъ Сергѣевичъ

не забылъ всего того, что когда то сдѣлалъ для него и для его семьи Графъ Амурскій, и онъ былъ самымъ энергичнымъ дѣятелемъ по дѣлу о постановкѣ памятника дядѣ въ Хабаровкѣ и изданію „Матеріаловъ“ для его біографіи подъ редакціей Барсукова.

Но не въ однимъ только Декабристамъ относился дядя мой со своею замѣчательною сердечностью — такимъ же вниманіемъ и заботливостью пользовались отъ него и ссыльные поляки 1831 года. У меня есть бюварь, поднесенный ему благодарными женами ссыльных поляковъ, на которомъ съ одной стороны вышитъ по красному бархату бѣлый польскій орелъ, а съ другой по польски надписъ: „Графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому“.

Сегодня, 16-го Мая, когда я пишу эти строки моихъ личныхъ воспоминаній о покойномъ дядѣ, есть день 51-й годовщины Айгунскаго трактата. 16-е число дядя мой считалъ своимъ особо завѣтнымъ числомъ — онъ былъ дважды раненъ, въ Польшѣ и на Кавказѣ, и оба раза 16-го; Айгунскій договоръ онъ пожелалъ заключить непременно 16-го и, странное совпаденіе — его прахъ поконится на Монмартрскомъ кладбищѣ въ Парижѣ въ 16-мъ отдѣлѣ онаго. Но вещь еще болѣе курьезная — это число перешло и на меня, его наследника. Мнѣ было лишь 9 лѣтъ, когда послѣ смерти моего отца, дядя написалъ Императору Александру II свое замѣчательное по мотивировкѣ письмо съ просьбой о передачѣ своего титула и прозвища мнѣ — своему второму племяннику. Письмо это, какъ говорилъ мнѣ Графъ К. М. Паленъ, должно храниться въ Сенатѣ, какъ это повелѣлъ Государь Александръ Николаевичъ, передавая его министру юстиціи, коимъ въ 1870 году былъ именно Графъ Паленъ. Послѣ кончины дяди Императоръ Александръ III, 16-го Іюля 1882 года, соизволилъ на принятіе мною титула графа Амурскаго.

Объ этомъ значеніи для него 16-го числа дядя мнѣ не разъ говаривалъ еще въ 1874 году, когда я тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ жилъ у него въ Парижѣ. Я хорошо это запомнилъ и былъ пораженъ, когда число это перешло и на меня. Вотъ почему, когда родился мой старшій сынъ, я крестилъ его 16-го же Мая, въ день сороковой годовщины присоединенія къ Россіи Амура. Такимъ образомъ и третій Графъ Амурскій уже получилъ связь съ числомъ и даже мѣсяцемъ, который далъ ему его имя.

Я помѣщаю въ этой книгѣ портретъ моего дяди, совершенно неизвѣстный публикѣ. Это прекрасная акварель Осокина, писанная имъ съ натуры около 1840 года, т. е. когда дядѣ было 30—31 годъ. Онъ только что произведенъ въ генералы и рука у него, раненная на Кавказѣ, на перевязи. По возрасту этого портрета дядя ближе всего подходитъ къ эпохѣ войны 1831 года. Этотъ портретъ принадлежалъ моему отцу и всегда находился у него въ кабинетѣ. Болѣе ранній портретъ — профиль дяди, въ бытность его камеръ-пажемъ, находится въ музеѣ Пажескаго корпуса. Затѣмъ есть цѣлый рядъ его литографированныхъ портретовъ въ сибирской казачей формѣ; чудная парижская литографія середины 60-хъ годовъ, гдѣ онъ въ штатскомъ и, наконецъ, знакомитъ его портретъ, писанный въ 1864 году К. Е. Маковскимъ, за который авторъ его получилъ званіе академика. Портретъ этотъ былъ написанъ Маковскимъ въ двухъ экземплярахъ—одинъ находится въ иркутскомъ благородномъ собраніи, а другой былъ пріобрѣтенъ Н. П. Аносовымъ, большимъ почитателемъ дяди; послѣ же его смерти купленъ В. И. Базилевскимъ, другимъ его почитателемъ; въ 1897 году В. И. Базилевскій прислалъ его мнѣ, какъ свадебный подарокъ. Я его выставялъ на выставкѣ русскихъ историческихъ портретовъ въ 1905 году въ Таврическомъ дворцѣ. Красный Крестъ воспроизвелъ его на своихъ открытыхъ письмахъ.

Заканчивая эти строки я не могу не упомянуть одного назидательнаго обстоятельства въ жизни моего дяди — онъ прибылъ на свое генераль-губернаторство въ Восточной Сибири безъ копѣйки собственныхъ денегъ; изъ своего жалованія помогаль первые годы чиновникамъ, и тратилъ его на свои первыя поѣздки по Сибири, послужившія для дальнѣйшихъ его плановъ распространенія владычества Россіи. Послѣ почти 14 лѣтъ управленія краемъ онъ уѣхалъ оттуда лишь съ 30000-мъ рублей, которые скопилъ изъ своего же жалованья. Въ то время, какъ всякимъ второ-и-третьестепеннымъ дѣятелемъ раздавались маіораты и имѣнія въ Западномъ краѣ и на Кавказѣ—дядя мой никогда не хотѣлъ даже напомнить о себѣ Высшему Правительству. Дай Богъ, чтобы сынъ мой, а его внучатый племянникъ и носитель его славнаго имени въ своей жизни проникся великимъ примѣромъ благородства, безкорыстія, великодушія, отваги и самоотверженія, которые всегда и вездѣ отличали этого вѣрнѣйшаго слугу Отечества и Престола.

Графъ В. Муравьевъ-Амурскій.

Брѣвность Новогеоргіевскъ 16-го Мая 1909 года.

1831 годъ.

14-го Мая 1831 года Генераль-Фельдмаршалъ Графъ Дибичъ-Забалканскій нанесъ полякамъ рѣшительное пораженіе при Остроленкѣ. Ихъ армія въ разстройство отступила къ Варшавѣ.

Казалось война, уже 3½ мѣсяца веденная съ величайшими затрудненіями, должна была окончиться скорымъ и полнымъ торжествомъ Русскаго оружія, когда неожиданная катастрофа разстроила всѣ расчеты наши, затянувъ ее еще на 4 мѣсяца.

29-го Мая Дибичъ скончался отъ холеры, свирѣпствовавшей и въ нашей, и въ польской арміяхъ.

Новымъ Главнокомандующимъ былъ назначенъ фельдмаршалъ Графъ Паскевичъ - Эриванскій, а до его прибытія во временное командованіе вступилъ начальникъ штаба арміи — Графъ Толь.

Только 13-го Іюня, т. е. мѣсяцъ послѣ Остроленскаго сраженія прибылъ въ Пултускъ новый главнокомандующій.

Расположеніе и силы сторонъ къ этому времени были слѣдующія: наша главная армія занимала окрестности Пултуска и состояла изъ 52.000 человекъ. На ея усиленіе шелъ

изъ Седльце Генераль-Лейтенантъ Муравьевъ *) съ 14.000.

У Бреста стоялъ 6-й корпусъ Барона Розена въ 18.000 человекъ, имѣя назначеніе прикрывать съ этой стороны границы Имперіи. Генераль Ридигеръ съ 11.000 занималъ Люблинское воеводство и прикрывалъ границы Волыни. Прибавивъ же сюда мелкіе отряды, а также частн, ожидавшіеся изъ Литвы, вся численность войскъ, подъ начальствомъ Паскевича простиралась до 137.000 человекъ при 674 орудіяхъ.

Польская армія, подъ начальствомъ Скржинскаго, успѣвшая къ этому времени пополниться, сосредоточилась у Варшавы, на обоихъ берегахъ Вислы и считала въ своихъ рядахъ 40.000 человекъ при 100 орудіяхъ.

Итальянецъ Ромарино съ 6.000 стоялъ у Потыча; такой же силы корпусъ, подъ начальствомъ Хржановскаго, занималъ Гнѣвашевъ. Гарнизоны въ крѣпостяхъ Модлинь и Замость насчитывали до 11.000 человекъ.

Всего въ предѣлахъ Царства Польскаго было до 64.000 при 142 орудіяхъ.

Генералы Гелгудъ, Дембинскій и Хлаповскій съ 12.000 регулярныхъ войскъ старались зажечь возстаніе въ Литвѣ. Противъ нихъ дѣйствовала резервная армія Графа Толстого.

По плану войны, указанному Государемъ, слѣдовало, порепправившись черезъ нижнюю Вислу, перенести театръ дѣйствій на ея лѣвый берегъ, на которомъ находится Варшава — главный центръ возстанія.

Фельдмаршалъ Паскевичъ считалъ Польскую армію значительно сильнѣе нежели она была на самомъ дѣлѣ и не рѣшался дѣйствовать, не выждавъ прибытія Муравьева; онъ отложилъ выступленіе до 22-го Іюня. 13-го же Муравьевъ

*) Н. Н. Муравьевъ (Карскій) двоюродный дядя Н. Н. Муравьева.

двинулся из Седльце къ Нуру, чтобы тамъ переправиться черезъ Бугъ, а его мѣсто долженъ былъ занять авангардъ 6-го корпуса, подъ начальствомъ Генераль-Лейтенанта Головина.

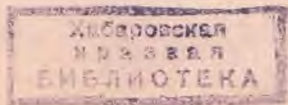
Послѣдній, прибывъ въ Мендзиржець 14-го Іюня, отправилъ своего адъютанта, Поручика Муравьева, съ партією казаковъ, по направленію къ Прагѣ, съ приказаніемъ открыть непріятеля. 17-го Іюня Муравьевъ вернулся изъ поиска и донесъ, что встрѣтилъ первый непріятельскій разъѣздъ у Минска, и, что у селенія Бржезины, въ 25 верстахъ отъ Праги, поляки занимаютъ укрѣпленную позицію.

Одновременно съ посылкой Муравьева Головинъ вошелъ въ связь съ Ридигеромъ, занимавшимъ Люблинское воеводство.

Вскорѣ послѣ этого Баронъ Розенъ получилъ отъ Паскевича предписаніе относительно задачъ, возложенныхъ на 6-й корпусъ и въ особенности на авангардъ Головина: „Поселику армія выступаетъ изъ-подъ Пултуска къ нижней Вислѣ, то Генераль-Лейтенантъ Головинъ имѣетъ слѣдовать съ отрядомъ своимъ впередъ по шоссе и занять 22-го Іюня городъ Седльце. Движеніемъ симъ онъ долженъ стараться притянуть силы мятежниковъ на правый берегъ Вислы; а если бы онъ совсѣмъ оставилъ этотъ берегъ, въ такомъ случаѣ, онъ пойдетъ далѣе къ Минску и, сбивая слабые непріятельскіе посты, будетъ простираетъ поиски до самой Праги“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Генералу Головину приказано было: „убѣдиться отъ неравнаго боя, держась всегда отъ сильнѣйшаго числомъ непріятеля на разстояніи большого перехода, но, притомъ, отнюдь не давая обмануть себя пустыми демонстраціями“.

То же предписаніе обязывало Головина: „находиться по мѣрѣ возможности въ сношеніи съ генералами: Ридигеромъ за Вепржемъ и Муравьевымъ, за Бугомъ и притомъ закрывать Брестъ-Литовскъ, гдѣ находилась главная квартира 6-го корпуса“.

Силы авангарда, подъ начальствомъ Головина, состояли изъ 10 баталіоновъ 7 эскадроновъ, 5 сотенъ съ 14-ю орудіями т. е. 5.400 ч. пѣхоты, 1.300 кавалеріи, а всего около 7.000 человѣкъ.

Какъ видно изъ предписанія, Головину ставилась сложная и весьма не легкая задача. Уже одно то обстоятельство, что ему съ 7000 человѣкъ приходилось дѣйствовать на театрѣ, имѣвшемъ 140 верстъ по фронту и 160 въ глубину, показываетъ насколько трудно было положеніе авангарда 6-го корпуса.

22-го Іюня, какъ было приказано, Головинъ занялъ Седльце.

Въ тотъ же день главная армія начала движеніе отъ Пултуска къ Осѣку, на нижней Вислѣ, гдѣ предполагалось переправиться на лѣвый берегъ.

Фланговый маршъ нашей арміи совершился медленно и съ величайшими предосторожностями, такъ какъ Паскевичъ не переставалъ опасаться нападенія польской арміи не смотря на ея разстройство и неспособность Скржинецкаго къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Съ удаленіемъ арміи на Сѣверо-Западъ положеніе Головина сдѣлалось еще болѣе изолированнымъ, тѣмъ болѣе, что и отъ своего 6-го корпуса онъ былъ удаленъ на 100 верстъ. Приходилось смѣлостью и искусствомъ восполнить недостатокъ въ численности.

Занявъ позицію на рѣкѣ Мухавцѣ, впереди Седльце, Головинъ производилъ частыя рекогносцировки, которыя открыли, что противъ него находится дивизія Рыбинскаго.

Скржинецкій, не рѣшаясь дѣйствовать энергически противъ самаго Паскевича, предпочелъ обратиться противъ Головина, для чего и назначилъ пѣхотную дивизію Рыбинскаго, кавалерійскую Ягмина и отряды Ромарино и Хржановскаго. Послѣдній былъ назначенъ общимъ начальникомъ

всѣхъ войскъ, дѣйствующихъ противъ Головина. Всего подъ его начальствомъ собрались внушительныя силы въ 22.000 человекъ, при 42 орудіяхъ, — т. е. Хржановскій былъ втрое сильнѣе Головина.

Причины назначенія такого значительнаго корпуса на правый берегъ Вислы, въ то время какъ судьба Варшавы, а съ нею и всей войны, должна была рѣшиться на лѣвомъ берегу, были двоякія.

Послѣ Остроленскаго погрома положеніе Скржинецкаго было поколеблено, довѣріе къ нему арміи и населенія — подорвано. Необходимо было частными усиліями поднять свой престижъ.

Въ этомъ отношеніи представлялся удобный случай опять разбить тотъ-же 6-й корпусъ, разгромъ котораго въ первую половину кампаніи легко доставилъ Скржинецкому славу лучшаго польскаго полководца. Съ другой стороны искусныя дѣйствія Головина противъ Рыбинскаго, съ 22-го по 28-е Іюня, заставили послѣдняго предполагать, что русскіе гораздо сильнѣе дѣйствительности и отступить къ Минску.

Являлось опасеніе за Варшаву съ этой стороны.

24-го іюня, съ цѣлью собранія свѣдѣній о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля, показавшагося въ сторонѣ Буга, а тоже для открытія связи съ генералъ-лейтенантомъ Муравьевымъ, Головинъ направилъ къ Бугу партію казаковъ. 28-го она вернулась и, находившійся при ней, адъютантъ Муравьевъ донесъ: „переправившись черезъ Бугъ, подъ мѣстечкомъ Каменчиномъ, слѣдовалъ далѣе по дорогѣ къ Остроленкѣ до Говорона. Тамъ нашелъ генералъ-маіора Циллера, отъ котораго узналъ, уже съ достовѣрностью, о движеніи нашей арміи къ нижней Вислѣ, а равно и о томъ, что значительная часть непріятельскихъ силъ переправилась при Сѣроцкѣ; на правый берегъ Нарева“.

Это извѣстіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и робость, замѣчав-

шавшая въ польскихъ войскахъ, находившихся противъ Головина, побудили его предпринять въ тотъ же день поискъ къ Минску. Этотъ пунктъ занятъ нами 28-го іюня и наши партіи заставили поляковъ отступить на всѣхъ пунктахъ. Но уже 1 іюля непріятель, который значительно усилился прибывшими войсками Хржановскаго, заставилъ насъ очистить Минскъ и отступить къ Янову. Однако, ничего достовѣрнаго не было извѣстно относительно намѣреній и силъ поляковъ, а потому, для раскрытія тѣхъ и другихъ, Головинъ рѣшилъ 2-го іюля произвести усиленную рекогносцировку по направлению къ Минску и Дембе-Вельке.

Рѣшаясь на нее, начальникъ авангарда 6-го корпуса предупреждалъ этимъ Хржановскаго, который въ тотъ же день, но только на нѣсколько часовъ позже, предполагалъ самъ перейти въ наступленіе.

Нашъ отрядъ раздѣленъ на три колонны: средняя, въ 2000 человекъ подъ личнымъ начальствомъ Головина, должна была наступать по шоссе; двѣ другія, каждая по одной тысячѣ человекъ, двигались къ сѣверу и югу отъ шоссе. Общимъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ колоннъ назначенъ Дембе-Вельке, и отсюда предполагалось угрожать непріятельской укрѣпленной позиціи у Бржезины. Колоннамъ вмѣнялось не вступать въ жаркое дѣло и при столкновеніи съ противникомъ отступать эксцентрически. Чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе относительно своихъ силъ, Головинъ приказалъ каждой ротѣ и эскадрону образовать двѣ роты и два эскадрона, а пѣхотѣ—строиться въ двѣ шеренги. Остальные войска авангарда разставлены по шоссе до рѣки Мухавца, въ качествѣ репли, на случай отступленія.

Въ 5 часовъ утра наши войска атаковали поляковъ, а когда непріятель оказался повсюду сильнѣе насъ, то всѣ колонны начали отступать къ Мухавцу, чтобы, прикрываясь этою рѣчкою, занять прежнее расположеніе. Поляки тѣснили

нашъ слабый авангардъ до Калушина, но не могли его уничтожить и сами лишились до 160 человекъ плѣнными; мы же потеряли до одной тысячи, что составляло одну четверть всего состава. Бой 2-го іюля продолжался двѣнадцать часовъ бряду, причемъ отступление на 60 верстахъ велось въ примѣрномъ порядкѣ, и бодрость отряда отнюдь не поколебалась, не смотря даже на громадный уронъ. Но и результаты рекогносцировки вполнѣ окупили наши потери: Головинъ узналъ, что имѣлъ дѣло съ 24000 при 42 орудіяхъ, подъ начальствомъ Хржановскаго, и своимъ отступленіемъ оттянулъ всю эту массу отъ Праги въ тотъ самый день, когда наша армія начала переправу черезъ Вислу.

Розень съ трудомъ повѣрилъ, что противъ него находится почти половина польской арміи. Въ главной же квартирѣ Паскевича, отдаленной отъ Головина на 230 верстъ, свѣдѣнія о дѣлѣ 2-го іюля получены сначала изъ польскихъ источниковъ въ весьма выгодномъ для мятежниковъ свѣтѣ, и только послѣдующія событія обнаружили истину.

Поляки, представившіе это дѣло какъ блистательную побѣду, однако не скоро собрались воспользоваться ея плодами, и три дня оставались въ совершенномъ бездѣйствіи, хотя благодаря въ четверо большимъ силамъ и могли бы безотлагательно продолжать преслѣдованіе, чѣмъ, вѣроятно, нанесли бы намъ еще болѣе уронъ.

6-го числа поляки перешли отъ Калушина къ Сточеку, куда на другой день прибылъ и самъ Сержинецкій, бездѣйствіе котораго въ Варшавѣ, по отношенію къ нашей главной арміи, все болѣе усиливало недовольство войскъ и народа.

Въ главной квартирѣ польскаго главнокомандующаго рѣшено было двумя колоннами черезъ Доманице и черезъ Біарды выйти во флангъ и въ тылъ Головину, стать на шоссе у Збучина и отрѣзать ему прямой путь отступления къ Бресту.

Однако, бдительность Головина и на этотъ разъ разстроила планъ поляковъ. Его разъѣзды сообщили ему о передвиженіи польскихъ войскъ къ югу отъ Седльце. Справедливо полагая, что поляки замышляютъ обойти его съ лѣваго фланга, Головинъ въ ночь съ 7-го на 8-е, т. е. когда началось движеніе польскихъ войскъ, самъ оставилъ Седльце и, двинувшись къ сѣверу отъ шоссе, на которомъ уже стоялъ Хржановскій съ 8-ю баталіонами и 10-ю орудіями, взялъ направленіе на Морды и Лосице и благополучно вышелъ изъ приготовленной для него ловушки. Трофеями поляковъ въ этой операціи были нѣсколько повозокъ и выюковъ, отбитыхъ у нашего обоза ихъ кавалеріею на шоссе у Збучина.

9-го іюля Скржинецкій опять потянулся къ Варшавѣ, а Головинъ въ тотъ же день занялъ Бялу и выдвинулъ передовые посты въ Мендзиржець; 11-го же числа и весь отрядъ перешелъ въ это мѣстечко.

Въ этотъ же день, при выступленіи изъ Бялы, Головинъ отправилъ къ непріятельскимъ аванпостамъ своего адъютанта Муравьева съ письмами отъ изѣнныхъ польскихъ офицеровъ.

На другой день Муравьевъ возвратился и донесъ, что наканунѣ два непріятельскихъ эскадрона еще находились въ Седльцѣ, но что самый аріергардъ корпуса онъ нашелъ уже въ Минскѣ, гдѣ и отдалъ письма самому Хржановскому который при этомъ свиданіи сказалъ Муравьеву, что армія наша 7-го и 8-го Іюля безпрепятственно переправилась черезъ Вислу у Осѣба. Тутъ же Муравьевъ узналъ отъ жителей подробности покушенія Скржинецкаго на Седльце.

Тѣмъ временемъ наша главная армія, перейдя черезъ Вислу 8-го Іюля, вплоть до 15-го не двигалась впередъ, оставаясь у мостовъ у Осѣба, такъ какъ Паскевичъ не рѣшался идти впередъ, не выждавъ прибытія всѣхъ отрядовъ, шедшихъ на соединеніе съ нимъ, съ другой стороны онъ не считалъ достаточнымъ для обезпеченія арміи, 14-ти дневное

продовольствіе, которое при ней имѣлось, и 5000 человекъ день и ночь пекли хлѣбъ и приготавливали сухари.

15-го Іюля наконецъ двинулся Паскевичъ впередъ, по прежнему съ величайшими предосторожностями, такъ какъ онъ всѣми мѣрами старался избѣжать боя съ польской арміей. 21-го числа т. е. двѣ недѣли послѣ переправы русская армія достигла Ловича; въ 14 дней ею сдѣлано было только 130 верстъ.

Также не торопился на встрѣчу ей и Скржинецкій. Только страхъ передъ военнымъ судомъ заставилъ его рѣшиться дѣйствовать и въ тотъ самый день, какъ нашъ авангардъ вступилъ въ Ловичъ, т. е. 11-го Іюля, Скржинецкій съ корпусомъ Хржановскаго прибылъ въ лагерь у Сохачева, гдѣ стояли остальные дивизіи польской арміи.

По отступленіи Хржановскаго, Головинъ полагалъ содѣйствовать Ридигеру въ его намѣреніи переправиться черезъ Вислу у Казимержа и для этого перешелъ къ Лукову прикрывать его правый флангъ. Но 15-го Іюля авангардъ уже получилъ приказаніе Розена идти въ Бресту, чтобы дѣйствовать противъ Ромарино, который будто бы шелъ къ Дрогичину и далѣе на Брестъ. Лучше ориентированный, Головинъ зналъ, что это былъ не Ромарино, а партизанъ Рожицкій, который съ бандою стремился проникнуть въ Литву. Но приказаніе приходилось исполнить и Головинъ пошелъ къ Мендзиржецу, сообщивъ обо всемъ Ридигеру.

Вскорѣ и Розенъ убѣдился, что вмѣсто Ромарино имѣлъ дѣло только съ незначительнымъ отрядомъ Рожицкаго.

Головинъ остановился въ Мендзиржецѣ. Но уже 19-го числа онъ получилъ приказаніе отъ корпуснаго командира идти къ Дрогичину, чтобы отрѣзать путь отступленія польскому генералу Дембинскому, который съ 5-ти тысячнымъ отрядомъ поспѣшно уходилъ изъ Литвы преслѣдуемый русскими войсками. Отрядъ Дембинскаго представлялъ остатки

корпуса Гелгуда, пытавшагося поднять возстаніе на Литвѣ и къ этому времени уже положившаго оружіе въ предѣлахъ Пруссіи, куда былъ вытѣсненъ резервной арміей Гр. Толстого.

Головинъ быстро пошелъ изъ Мендзиржеца на Морды и Папротню, отправивъ къ Дрогичину адъютанта своего Муравьева, а штабсъ-капитана Цуканова съ летучимъ отрядомъ внизъ по Бугу, чтобы собрать свѣдѣнія о непріятелѣ. Оба достигли своего мѣста назначенія 21-го и донесли, что уже наканунѣ непріятель перешелъ Бугъ, но не у Дрогичина, какъ полагалъ Розенъ, а у Нура и отступаетъ къ Варшавѣ. Тогда Головинъ, изъ этихъ свѣдѣній усматривая, что Дембинскій упушенъ, перешелъ въ Седльцъ, а вслѣдъ заикамъ направилъ Цуканова.

Въ Седльцѣ получено приказаніе Розена наступать къ Прагѣ, но дѣйствовать по прежнему осторожно. Кромѣ того прислано два баталіона и четыре эскадрона въ подкрѣпленіе. 25-го Іюля Головинъ перешелъ въ Калужинъ. Кавалерійскія партіи направлены къ сѣверу и къ югу отъ шоссе, для разсѣянія польскихъ ополченій. 26-го Іюля Муравьевъ отправленъ съ письмами отъ плѣнныхъ къ польскимъ аванпостамъ и донесъ, что до самой Праги онъ нигдѣ не встрѣчалъ непріятеля.

До 3-го Августа Головинъ оставался съ авангардомъ передъ Прагой, производя частые поиски кавалеріей по разнымъ направленіямъ, обезоруживая польскія ополченія и прерывая подвозы жизненныхъ припасовъ въ Варшаву изъ Подляхъ.

Во весь промежутокъ времени положеніе дѣлъ на лѣвомъ берегу Вислы было слѣдующее: обѣ арміи находились въ одномъ переходѣ одна отъ другой, — русская близъ Ловича; а польская близъ Сохачева. Численность ихъ была почти равная: у насъ 51.000, у поляковъ 50.000; и только артиллеріей мы вдвое превосходили непріятеля.

Что-же касается состава арміи, то поляки значительно уступали намъ. Противъ нашихъ отборныхъ войскъ они только на одну четверть могли противопоставить старыхъ солдатъ, остальные были плохо-обученные новобранцы. Однако, духъ польскихъ войскъ ни въ чемъ не уступалъ духу нашихъ, и обѣ арміи одинаково горѣли желаніемъ скорѣе сразиться. Но такой рѣшительный образъ дѣйствій вовсе не входилъ въ намѣренія обоихъ главнокомандующихъ. Паскевичъ ожидалъ присоединенія Барона Крейца, съ 20.000, шедшаго къ нему изъ Литвы послѣ вытесненія Гелгуда въ предѣлы Пруссіи, и до прибытія этихъ войскъ не желалъ ничего предпринимать.

Скржинецкій, по приказанію Правленія прибывшій къ арміи изъ Варшавы, въ виду опасности, угрожавшей столицѣ, послѣ перехода Вислы Паскевичемъ, меньше всего думалъ о сраженіи съ главной русской арміей. Наконецъ, себѣ, уступая всеобщему негодованію, прислалъ въ главную квартиру въ Болимовѣ комиссію, которая, отрѣшивъ Скржинецкаго отъ командованія, назначила главнокомандующимъ Дембишскаго, пріобрѣвшаго большую популярность своимъ знаменитымъ отступленіемъ изъ Литвы.

Не смотря на это, дѣла лучше не пошли и послѣ безплодныхъ совѣщаній и разговоровъ рѣшено было отступить къ Варшавѣ.

Въ ночь на 3-е Августа армія двинулась къ столицѣ.

Паскевичъ послѣдовалъ за поляками, но по-прежнему медленно и осторожно, мало напирая на отступавшую армію.

3-го и 4-го Августа въ Варшавѣ произошло возмущеніе, совершенно нѣсколько бесполезныхъ убійствъ. Президентъ Правленія, Князь Адамъ Чарторыйскій, и члены онаго подали въ отставку. Новымъ Президентомъ избранъ Генералъ Гр. Круковецкій.

5-го Августа Дембинскій подошелъ къ Варшавѣ, а 6-го русская армія приступила къ обложенію города. Вскорѣ польская армія опять перемѣнила главнокомандующаго. Строгій Дембинскій уступилъ свое мѣсто старику Малаховскому. На военномъ совѣтѣ 7-го Августа принять слѣдующій планъ дѣйствій, принадлежавшій лучшему изъ польскихъ стратеговъ, генералу Прондзинскому: съ частью арміи занимать Варшаву и удерживать Паскевича, а съ другою, перейдя на правый берегъ Вислы, разбить Розена, возстановить подвозъ продовольствія и угрожать Ридигеру. Послѣдній уже успѣлъ перейти Вислу и проникъ въ Сандомирское воеводство, гдѣ тѣснилъ партизана Рожицкаго. Для дѣйствій на правомъ берегу Вислы назначенъ 20.000-й корпусъ подъ начальствомъ Ромарино. Пока происходили эти событія въ Варшавѣ, Розень, съ частью своего корпуса прибылъ въ Минскъ. 8-го Августа онъ пытался сжечь пражскій мостъ, чтобы затѣмъ штурмомъ овладѣть Прагою. Однако, это ему не удалось.

10-го Августа Розень узналъ, что наканунѣ сильный польскій корпусъ вышелъ изъ Праги и двинулся на Карчевъ. Это былъ Ромарино.

Подъ его начальствомъ находились двѣ пѣхотныя и одна кавалерійская дивизіи, всего 20.000 человекъ и 42 орудія. При корпусѣ находились Князь Адамъ Чарторыйскій и другіе магнаты. Поляки были сильнѣе 6-го корпуса, считавшаго въ своихъ рядахъ только 18.000 человекъ, изъ которыхъ не болѣе 12.000 находились подъ непосредственнымъ начальствомъ Розена у Минска, а остальные въ 150 верстахъ, у Бреста.

По полученіи извѣстія о движеніи Ромарино, Розень отступилъ въ Седльце, а Головинъ къ Калужину.

Это отступленіе было слѣдствіемъ предписанія фельд-маршала заманивать мятежниковъ возможно далѣе отъ Варшавы.

Ромарино взялъ направленіе на Гарволинъ. Къ его корпусу прибылъ Прондзинскій, присланный изъ Варшавы, для руководства. Онъ совѣтовалъ воспользоваться изолированнымъ положеніемъ 6-го корпуса, разбить его и затѣмъ овладѣть Брестомъ.

Ромарино, недовольный присылкою Прондзинскаго, ничего не хотѣлъ слушать и продолжалъ идти на Желеховъ, т. е. въ промежутокъ между войсками Розена и Ридигера.

14-го Августа поляки перехватили депешу Ридигера, въ которой онъ извѣщалъ, что въ случаѣ движенія къ Вепржу, онъ возвратится въ Люблинское воеводство. Ромарино увидѣлъ, что для того, чтобы самому не попасться между двухъ огней, надо дѣйствовать быстро и рѣшилъ послѣдовать совѣту Прондзинскаго, предлагавшаго напасть на Розена. Для этого польскій корпусъ повернулъ на Луковъ и въ тотъ же день дошелъ до Казуня.

Розенъ, желавшій угрожать флангу и тылу поляковъ, сначала двигался имъ параллельно, все время прикрывая Брестское шоссе; но когда увидалъ, что они сами обходятъ его и угрожаютъ его сообщеніямъ съ Брестомъ, сталъ отступать на Мендзирищецъ.

Головинъ прикрывалъ движеніе 6-го корпуса.

16-го Августа арьергардъ Головина занялъ позицію у Крынокъ, въ то время, какъ корпусъ вытягивался по дорогѣ къ Мендзирищецу. Прондзинскій полагалъ атаковать Головина съ фронта и обойти его съ фланговъ, но Ромарино не торопился, хотя и находился только въ 7-ми верстахъ отъ нашего отряда.

Потерявъ 6 часовъ на отдыхъ въ Луковѣ, поляки наконецъ двинулись впередъ; но время уже было упущено. Головинъ успѣлъ отправить свой обозъ и, несмотря на рѣшительные атаки непріятеля, задерживалъ его до 11-ти часовъ вечера; тогда, за темнотою, поляки принуждены были прекратить преслѣдованіе.

17-го числа, на разсвѣтѣ, Головинъ вступилъ съ своимъ храбрымъ отрядомъ на позицію при Мендзиржецѣ, гдѣ расположились Розень съ войсками 6-го корпуса.

Въ 9 часовъ утра подошелъ непріатель.

Позиція у Мендзиржеца съ юга прикрыта болотами, въ которыя и уирился нашъ лѣвый флангъ. Черезъ городъ проходитъ Брестское шоссе, круто поворачиваетъ на сѣверозападъ, къ Рагозницѣ, откуда идетъ въ восточномъ направленіи къ Бресту. Вслѣдствіе такого направленія пути, можно было, двинувшись изъ Мендзиржеца, по проселочнымъ дорогамъ, обойти Рагозницу съ юга и выйти кратчайшимъ путемъ на шоссе. Головину приказано оборонять городъ. Розень сталъ за нимъ. Генераль Варнаховскій съ 1800 чел. отправленъ въ Рагозницу, чтобы, удерживая этотъ пунктъ, обезпечить отступленіе корпуса. Позиція наша, выгодная въ тактическомъ отношеніи, была опасна въ стратегическомъ, такъ какъ лучший путь отступленія отходить отъ фланга, почти параллельно фронту, что и случилось во время боя.

Прондзинскій составилъ планъ атаки, по которому демонстрируя съ фронта, поляки должны были обойти насъ съ праваго фланга и отбросить отъ Бреста.

Для демонстраціи назначались 5000 человекъ подъ начальствомъ Прондзинскаго; для обхода же и главнаго удара 10.000, подъ личнымъ начальствомъ Ромарино. Но послѣдній, вмѣсто того, чтобы вести войска, легъ спать, а Генераль Бѣлинскій, начальникъ дивизіи, назначенной въ обходъ, не получая приказаній отъ Ромарино, рѣшился идти на Рагозницу. Прондзинскій же двинулся противъ Головина.

Полагая, что это есть главная атака, Розень выставилъ 12 орудій, огонь которыхъ остановилъ польскую кавалерію. Тѣмъ временемъ Бѣлинскій атаковалъ Варнаховскаго и, имѣя подавляющее превосходство въ силахъ, заставилъ нашъ отрядъ, послѣ геройскаго сопротивленія, положить оружіе.

Розень, не слыша болѣе кононады на своемъ правомъ флангѣ, и, принимая дѣйствія Пронзинскаго за главную атаку, а Бѣлинскаго за демонстрацію, собрался уже самъ перейти въ наступленіе, когда получилъ печальное извѣстіе о гибели Варпаховскаго. Тотчасъ же былъ созванъ военный совѣтъ и рѣшено было отступать.

Положеніе Розена было критическое. Но его спасла бездѣятельность Ромарино. Въ то время, какъ наши войска, опять прикрываясь аріергардомъ Головина, начали отступленіе по проселочной дорогѣ, торопясь предупредить поляковъ на шоссе, Прондзинскій тщетно призывалъ Ромарино на поле сраженія. Только въ 8 ч. утра, на слѣдующій день, прибылъ этотъ генералъ къ своему корпусу и медленно послѣдовалъ за Розеномъ.

Въ этомъ двухдневномъ бою, а именно въ первый день, т. е. 16-го Августа, легко раненъ и остался въ строю адъютантъ Головина, Поручикъ Муравьевъ, все время находившійся съ Головинымъ въ первой линіи.

6-й корпусъ отступилъ къ Бресту, выдвинувъ авангардъ Головина къ Тересполью.

Уже 22-го Августа Ромарино двинулся къ Варшавѣ, такъ какъ получилъ выговоръ Крюковецкаго за слишкомъ большое отдаленіе отъ столицы. Розень сейчасъ же двинулся за нимъ.

26-го Августа Головинъ занялъ Бялу и посламъ Муравьева парламентаромъ въ Мендзиржець, къ Ромарино. Это былъ день второго штурма Варшавы. 25-го Паскевичъ, наконецъ, рѣшился на приступъ, но не довелъ его до конца, хотя и достигъ въ этотъ день важныхъ результатовъ, а отложилъ его до 26-го. Крюковецкій же, желая выиграть время, вступилъ въ переговоры. 26-го, по возобновленіи боя, въ самомъ началѣ его, Паскевичъ былъ контуженъ и передалъ неограниченное командованіе Гр. Толю.

Къ вечеру Варшава была взята, а польская армія отступила къ Плоцку, гдѣ, по условію, должна была ожидать повелѣній Императора.

При такомъ положеніи дѣлъ въ Варшавѣ, Муравьевъ прибылъ 26-го въ Мендзиржець.

Ромарино имѣлъ свѣдѣнія только о первомъ нерѣшительномъ днѣ штурма.

Онъ пригласилъ Муравьева къ своему столу, посадилъ его подлѣ себя, при чемъ всѣ присутствовавшіе поляки изъ вѣжливости говорили по французски. За столомъ находился также бывшій президентъ варшавскаго Правленія, Князь Адамъ Чарторыйскій, который не желалъ выдавать своего лѣнгогнито и сѣлъ среди младшихъ чиновъ. Однако по знакамъ почтенія и особенной къ нему предупредительности со стороны польскихъ офицеровъ, молодой Муравьевъ догадался, кто этотъ штатскій.

Самъ Ромарино сообщилъ Муравьеву о первомъ днѣ штурма Варшавы съ подробностями, говорившими не въ нашу пользу.

Такимъ образомъ первое извѣстіе объ этомъ важномъ событіи получено въ 6-мъ корпусѣ отъ самого непріятеля и черезъ Муравьева.

27-го Августа Ромарино пошелъ къ Варшавѣ, но уже въ Ополѣ узналъ о занятіи столицы русскими и о движеніи польской арміи къ Модлину. На собраніи военномъ совѣтѣ рѣшено идти къ Замостью и, опираясь на эту крѣпость открыть зимнюю кампанію. Принимая это рѣшеніе, Ромарино явно ослушался приказанія главнокомандующаго идти на соединеніе съ арміей. Но на его рѣшеніе имѣли вліяніе сопровождавшіе его магнаты, отнюдь не желавшіе опять встрѣтиться съ такъ называемыми *якобинцами*, вышедшими изъ Варшавы вмѣстѣ съ главной арміей.

Но плану Ромарино не суждено было осуществиться.

Хотя 6-й корпусъ былъ слабѣе числомъ корпуса Ромарино, послѣдній успѣшно началъ отступать, ни разу не пытаясь остановить и разбить русскихъ.

Видя, что надежда пробраться къ Замостью, потеряна, Ромарино пытался захватить нашъ мостъ у Подгурже, перейти въ Сандомирское воеводство и соединится съ Рожицкимъ; но войска Ридигера не допустили до этого, храбро обороняя переправу. Попытки построить мостъ также не удалась и, наконецъ, 5-го Сентября 15000 поляковъ съ 40 орудіями перешли у Борова границу и положили оружіе передъ австрійскимъ генераломъ Бертолетти.

Но, ни взятіе Варшавы, ни вытесненіе Ромарино, не окончили войны. Поляки все еще держались въ Плоцкомъ воеводствѣ, гдѣ имѣли почти 30-ти тысячную армію и владѣли крѣпостью Модлиномъ съ 6000 гарнизона.

Послѣ изгнанія Ромарино Головинъ былъ притянутъ къ Модлину, который имъ обложенъ 17-го Сентября. Въ осадномъ корпусѣ было 9000 чел. и 40 орудій. Адъютантъ Муравьевъ все это время находился при своемъ начальникѣ.

Только 23-го Сентября польская армія наконецъ вытеснена Паскевичемъ въ предѣлы Пруссіи, а 27 сдался и Модлинъ. Это было послѣднимъ актомъ польской войны.

Достойно замѣчанія, что за всю кампанію поляки не имѣли съ собой ни одного знамени; когда же палъ Модлинъ, то подъ поломъ порохового погреба было найдено 28 совершенно новыхъ польскихъ знаменъ. При открытіи ихъ присутствовалъ адъютантъ Муравьевъ.

Эта кампанія была однимъ изъ лучшихъ воспоминаній Николая Николаевича.

Дѣйствительно, подъ руководствомъ Евгенія Александровича Головина, адъютантъ его прошелъ превосходную боевую школу, школу малой войны, которая такъ полезна для развитія боевыхъ качествъ будущаго самостоятельнаго начальника.

Можно утверждать, что разнообразныя порученія, даваемыя ему Головинымъ, при исполненіи которыхъ 22-хъ лѣтній поручикъ неоднократно имѣлъ дѣло со старыми польскими генералами, — во многомъ послужили также къ развитію его дипломатическихъ способностей.

Оборона Приамурскаго Края. *

I.

Россія на двухъ своихъ окраинахъ соприкасается съ двумя могущественными государствами: на западъ съ Германіей, на востокъ съ Китаемъ.

На западъ сдѣлано уже много, чтобы обезпечить себя въ случаѣ войны: рядъ крѣпостей тянется, начиная отъ прибрежья Балтійскаго моря, по направленію къ югу и на разстояніи иногда только двухъ переходовъ отъ границы. За этой первой линіей крѣпостей стоятъ другія, представляя собою какъ бы редюиты на случай прорыва перволинейныхъ и опорные пункты для арміи, если бы она не могла удержаться впереди.

Но вѣдь Германія опасна не одна, а въ союзѣ съ Австріей, за которой естественно присоединятся къ ней и Румынія.

*) Записка составлена мною въ концѣ 1891 года. Полагаю, что многое въ ней далеко еще не устарѣло.

Авторъ

Май 1909 года.

Такимъ образомъ опасность, угрожающая нашей западной границѣ, простирается далѣе и заканчивается только у береговъ Чернаго моря.

И на австрійской и даже на румынской границахъ мы видимъ опять крѣпости, которыя образуютъ одну общую стройную систему обороны отъ моря до моря.

Однако, степень опасности, которая угрожаетъ нашимъ предѣламъ со стороны Германіи, и Австріи съ Румыніей, — неодинакова. Степень ея обратно пропорціональна количеству державъ, т. е. Германія одна, но опасность отъ нея несравненно болѣе опасности отъ Австріи вмѣстѣ съ Румыніей.

Эти условія приняты во вниманіе и, если на германской границѣ мы видимъ не одну первоклассную крѣпость, и еще сѣтъ второстепенныхъ, за то на австро-румынской границѣ нѣтъ ни одной первоклассной крѣпости, а преимущественно укрѣпленныя позиціи.

Цѣлыя арміи сосредоточены на нашей западной границѣ, причемъ опять же сильнѣйшія находятся противъ Германіи.

Вотъ что сдѣлано Россіей для обезпеченія себя съ запада, и что составляетъ нашу силу не въ одно военное время, но и въ мирное; вотъ что придаетъ особенный вѣсъ и нашему голосу и нашимъ дѣйствіямъ по международнымъ дѣламъ.

Что же сдѣлано нами на нашей восточной границѣ?

Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ посмотримъ, что представляетъ собою эта граница, гдѣ ея предѣлы.

Въ Азіи мы имѣемъ громадную морскую пограничную линію вдоль открытыхъ морей Беренгова, Охотскаго, Японскаго и Великаго океана. На наше счастье большая часть этой многотысячеверстной линіи находится въ условіяхъ, не дающихъ возможности къ веденію военныхъ дѣйствій.

Предѣлъ, за которымъ мы можемъ считать себя въ безопасности отъ непріятельскаго вторженія, находится примѣрно на широтѣ Аяна, т. е. близъ 57-й параллели. Къ сѣверу

отъ нея всякое покушеніе отъ непріятеля можно считать совершенно бесполезнымъ. Затѣмъ, отъ Аяна къ югу вплоть до Посьета по морскому побережью, а оттуда сухимъ путемъ на западъ до Ферганской области наша граница находится въ сферѣ возможныхъ нападеній китайцевъ. Но какъ степень опасности на нашей западной границѣ неодинакова, а увеличивается къ сѣверу, такъ и въ Азіи различные районы границы представляютъ и различныя степени опасности въ случаѣ непріятельскаго вторженія.

Цѣлый рядъ областей застѣннаго Китая, граничащихъ съ нами, начиная съ запада, т. е. Кашгарія, Кульджа, Джунгарія и Монголія, хотя и во многихъ случаяхъ богато и довольно населенныя страны, но все-таки не представляютъ значительной опасности на ихъ границахъ. Причина этого заключается въ двухъ обстоятельствахъ: первое, что всѣ эти области отдѣлены отъ Срединнаго царства обширными пустынями, маловодными и не населенными, по которымъ движеніе войскъ сопряжено съ значительными затрудненіями. Движеніе можетъ совершаться, какъ всегда при такихъ условіяхъ, небольшими эшелонами, а слѣдовательно для достиженія какойнибудь серьезной цѣли потребуетъ очень продолжительнаго времени, что всегда дастъ возможность противнику приготовиться. Второе — у насъ въ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ находятся лучшія и многочислѣннѣйшія войска, которыя всегда съ успѣхомъ отразятъ попытки китайцевъ.

Совсѣмъ другую картину представляетъ Маньчжурія, непосредственно связывающая Срединное царство съ нашими Приамурскими владѣніями.

При современной колонизаціонной политикѣ Китая, при его стремленіи слить Маньчжурію съ богатѣйшими и населеннѣйшими областями имперіи — эта часть нашей границы пріобрѣтаетъ для насъ, какъ и для нашего сосѣда,

первенствующее значеніе. Но значеніе это выросло только за послѣднее десятилѣтіе.

Правда, за это время много измѣнилось у насъ.

Главнѣйшія измѣненія заключаются въ усиленіи переселенія въ Амурскій край и заселеніи Южно-Уссурийскаго, равно и пространствъ между Зеей и Буреей (особенно по первой); въ значительномъ увеличеніи нашихъ силъ въ Приамурьѣ; въ созданіи крѣпости во Владивостокѣ и перенесеніи всей тяжести обороны Приамурья въ Южно-Уссурийскій край, гдѣ сосредоточена и главная масса войскъ. Наконецъ, за это же десятилѣтіе совершенно въ административномъ отношеніи то, чего, за 25 лѣтъ до того, уже добивался Графъ Муравьевъ-Амурскій, а именно образовано особое Приамурское генераль-губернаторство, заключающее въ себѣ высшее гражданское и военное управленіе нашими крайними восточными владѣніями.

Если мы обратимся къ нашей западной границѣ, то и тамъ много изъ того, что теперь построено и заведено, представляется результатомъ дѣятельности же послѣдняго десятилѣтія.

Это десятилѣтіе значительно подвинуло насъ на пути обезпеченія страны отъ безнаказаннаго вторженія непріятеля. На западѣ уже и теперь, съ неоконченными крѣпостями, мы настолько сильны, что можемъ съ успѣхомъ отразить даже сильнѣйшаго противника. А можемъ ли мы это сдѣлать въ Азій?

Что Китай вышелъ изъ своего легендарнаго застоя, что теперь онъ доступенъ весь, включая столицу имперіи, всѣмъ европейскимъ народамъ, что правительство этого государства ведетъ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ по пути реформъ совершенно европейскаго свойства — это извѣстно всѣмъ и каждому и не требуетъ никакихъ доказательствъ и подтвержденій.

Но интересно не внѣшнее, такъ сказать, проявленіе этихъ реформъ, а ихъ внутренній смыслъ, какое значеніе имъ придаютъ государственные люди, а за нимъ и все мыслящее населеніе Китая.

Кромѣ Китая на востокъ есть еще одна страна, которая также вступила на путь реформъ въ европейскомъ смыслѣ. (Я говорю реформъ а не цивилизаций, потому что въ цивилизации эти страны не нуждаются). Страна эта — Японія.

И Китай и Японія приступили къ реформамъ почти одновременно, около половины нашего столѣтія (писано въ XIX в.) и при совершенно аналогичныхъ обстоятельствахъ, т. е. подъ громъ англійскихъ пушекъ, разстрѣливавшихъ ихъ беззащитные приморскіе города.

Съ тѣхъ поръ прошло около полувѣка и характеръ реформъ ясно обозначился въ обѣихъ имперіяхъ.

Первоначально онѣ и тутъ и тамъ имѣли исключительно военный характеръ; затѣмъ, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе громадныхъ внутреннихъ переворотовъ, въ Японіи эти реформы захватывали все большее поле дѣйствій.

Теперь, начиная отъ главы государства, Микадо и его двора, до малѣйшаго чиновника, все передѣлано на европейскій ладъ.

Для посторонняго наблюдателя эти нововведенія съ внѣшней стороны такъ же комичны, какъ и реформы у насъ въ концѣ XVII-го вѣка. Я не хочу этимъ сказать, чтобы эти реформы были только внѣшни; далеко до этого; японскія реформы создаютъ на крайнемъ востокѣ Азіи государство совершенно на европейскій ладъ, не упуская и его наружныхъ проявленій.

Въ Китаѣ совсѣмъ иное. Тамъ на внѣшность не посягали.

Все, что касается гражданской жизни и развитія края, все это остается по прежнему, и реформы, какъ при ихъ началѣ, такъ и теперь, касаются главнымъ образомъ военнаго дѣла и всего, что ему причастно.

Вотъ эти то реформы и опасны въ будущемъ для Россіи.

Населеніе Китая представляетъ собою свыше 400 милліоновъ, причемъ только не много, относительно, милліоновъ живетъ въ Застѣнномъ Китаѣ. Около же 400 милліоновъ населяютъ сравнительно небольшую площадь Средняго царства. Размноженіе населенія требуетъ увеличенія площади, на которой оно могло бы предаваться главному своему занятію — земледѣлію.

Правительство обратило вниманіе сперва на сопредѣльную съ нашимъ Приамурскимъ краемъ Маньчжурію. Эта огромная область уже издавна постепенно населялась выходцами изъ Китая. Нарушая строгое воспрещеніе правительства, они, убѣгая отъ нищеты, грозившей имъ на родинѣ, выходили за предѣлы великой стѣны, подвигались къ нашимъ границамъ, и въ значительномъ количествѣ появлялись въ нашихъ владѣніяхъ. Китайское же правительство хотѣло оставить всю эту область во владѣніи народа, покорившаго имперію и къ которому принадлежатъ Богдыханъ и его семейство. Съ другой стороны имъ руководила скрытая мысль обезпечить имперію отъ возможныхъ покушеній Россіи, имѣя между обоими государствами громадную малонаселенную площадь сѣверо-восточной Маньчжуріи. Иначе говоря, правительство Китая хотѣло само руководить историческими явленіями и указывать своимъ народамъ гдѣ и какъ жить. Но ходъ исторіи, независимый отъ частной воли, оказался неумолимъ и по отношенію непогрѣшимой мудрости мандариновъ, и ему пришлось подчиниться. То есть, когда стало тѣсно жить тамъ, гдѣ было дозволено, пошли туда, гдѣ было запрещено; правительство же проявило на этотъ разъ необыкновенную прозорливость. Оно поняло, что бороться съ этимъ фактомъ, значитъ вызвать серьезныя осложненія, и пожалуй и полное банкротство. Тогда оно не только примирилось съ явнымъ нарушеніемъ своихъ постановленій, но само стало во главѣ

движенія: широко открыло двери народу въ новыя, богатая, но еще не культурныя мѣста и обезпеченіе государства отъ вражескаго вторженія основало на системѣ гораздо болѣе цѣлесообразной и надежной, нежели упованіе на труднодоступность страны. Рѣшено было засѣлить Маньчжурію, а вмѣстѣ съ тѣмъ произвести и коренную реформу въ гражданскомъ и военномъ управленіи этой области. Лучшіе китайскіе администраторы и чиновники, многіе по указанію самого Ли-Хун-Чжана, были командированы въ Маньчжурію и замѣнили корыстолюбивую и безпечную администрацію туземцами.

Были проложены новыя дороги и улучшены существовавшія; основаны новыя города; даны пособія и облегченія новому населенію, массою хлыновшему изъ Китая; передѣлены вновь земли, прежде принадлежавшія однимъ маньчжурамъ, а теперь сдѣлавшіяся достояніемъ всякаго подданнаго Небесной имперіи, который могъ уплатить за нихъ нѣкоторую небольшую сумму.

Наконецъ, вмѣсто плохихъ маньчжурскихъ (восьмизнаменныхъ) войскъ устроены сравнительно порядочныя и на европейскій ладъ. Въ важныхъ стратегическихъ пунктахъ возведены укрѣпленія, какъ на примѣръ въ Санъ-Синѣ. Проведены телеграфы и предполагають провести желѣзную дорогу.*)

Принимая эти мѣры, посягая на самобытность колыбели своей династіи - Маньчжуріи - Дайцинскій монархъ и его совѣтники проявили высокую государственную мудрость. Теперь они обезпечены со стороны Россіи; дали выходъ избытку населенія страны, а въ дальнѣйшемъ будущемъ, кто знаетъ, заявятъ можетъ быть претензію и на наши владѣнія; вѣдь требовали же они себѣ въ 1880 году часть залива Посьета.

*) Таковую, къ сожалѣнію, мы сами имъ построили.

Вездѣ въ нашихъ Приамурскихъ владѣніяхъ живутъ китайцы и вездѣ находятся подѣ управленіемъ и контролемъ своихъ чиновниковъ, которые періодически объѣзжаютъ поселенія на нашей территоріи, собираютъ подати и творятъ судъ и расправу; тогда какъ вторая статья Айгунскаго трактата даетъ такое право лишь по отношенію тѣхъ маньчжуръ, которые жили во время его заключенія по берегу Амура отъ устья Зеи до деревни Хормолдинъ, т. е. только на 70 верстъ по берегу внизъ отъ Зеи. Однако этотъ пунктъ трактата нами настолько слабо соблюдался и ихъ распространеніе въ странѣ было такъ сильно, что уже въ 1883 году пришлось указать черту, за которую маньчжуры не имѣли бы болѣе права распространяться къ сѣверу.

Необходимость проведенія этой черты показываетъ, что за 25 лѣтъ владѣнія нами лѣвымъ берегомъ Амура, колонизація ихъ на нашей территоріи сдѣлала большіе успѣхи. А вѣдь трактатъ имѣлъ въ виду только тѣхъ маньчжуръ, которые жили на указанныхъ мѣстахъ именно во время его заключенія.

Но если амурскіе маньчжуры до нѣкоторой степени прикрыты трактатомъ, то ничего подобнаго не существуетъ для китайцевъ и маньчжуръ другихъ мѣстъ нашихъ Приамурскихъ владѣній; однако вездѣ они подчинены не нашимъ, а своимъ чиновникамъ. *)

Не похоже ли это на то, что происходитъ на нашей западной границѣ, т. е. занятіе и заселеніе нашихъ земель нѣмцами, при сохраненіи ими германскаго подданства? Не есть ли это явленіе вполне аналогичное и столь же чреватое важными послѣдствіями? Полагаю, что да. Вѣдь оба эти явленія порождены совершенно одинаковыми причинами: и тамъ

*) Все это, къ сожалѣнію, справедливо и теперь.

и тутъ избытокъ населенія ищетъ себѣ выхода и находитъ его въ сосѣдней обширной странѣ съ сравнительно рѣдкимъ населеніемъ и добродушнымъ отношеніемъ къ подобному явленію.

Но если германская эмиграція захватываетъ почти всю западную пограничную полосу, то совершенно иное представляетъ китайская. Она ограничивается только сравнительно небольшою частью всей пограничной полосы — Маньчжуріей и сопредѣльными нашими владѣніями. И это вполне естественно. Только эта область представляетъ силушъ удобную для населенія мѣстность, не перерѣзывается громадными безводными и безлюдными пространствами, а напротивъ представляетъ страну отлично орошенную, со множествомъ мѣстъ вполне удобныхъ для тщательной культуры. За послѣднее десятилѣтіе нѣсколько милліоновъ китайцевъ переселилось сюда, а сколько еще переселится въ будущемъ — трудно сказать.

Какъ авангардъ этого движенія изъ собственно Китая въ Маньчжурію, много переселенцевъ наполняютъ и наши пограничныя мѣста и очевидно съ теченіемъ времени эта волна будетъ только расти. На западной границѣ мы не боимся такой же нѣмецкой волны, хотя и принимаемъ противъ нея все какія мѣры: тамъ мы имѣемъ хорошія и многочисленныя крѣпости, сильную армію и довольно плотное свое населеніе. Въ Приамурѣ другое дѣло — крѣпость одна только, Владивостокъ; войска, хотя и увеличены противъ того, что было десять лѣтъ тому назадъ, и постоянно увеличиваются, но что же значать 20.000 штыковъ для обороны линіи почти въ 3000 верстъ, причемъ пунктъ опоры только одинъ, и тотъ лежитъ на оконечности этой длинной линіи и не имѣетъ даже достаточнаго гарнизона.

О населеніи же края русскими пока не стоитъ и говорить; что значать 100.000, живущихъ на пространствахъ болѣе

милліона квадратных верстъ, *) считая только Амурскую и часть Приморской областей

Вѣдь это только 0,1 человека на квадратную версту; причемъ населеніе группируется главнымъ образомъ въ Южно-Уссурийскомъ краѣ, и на Амурѣ близъ Благовѣщенска и по Зеѣ съ притоками. Въ остальныхъ мѣстахъ этой громадной территоріи его почти нѣтъ, и только казачьи станицы и рѣдкія деревни вдоль всего Амура, и казачьи станицы по Уссури, составляютъ все русское населеніе.

*) Къ счастью въ настоящее время переселеніе возросло и продолжаетъ возрастать.

III.

1854—1855.

Наши владѣнія въ амурскомъ бассейнѣ представляютъ лакомый кусокъ не для однихъ только китайцевъ. Любой изъ европейскихъ народовъ съ радостью завладѣлъ бы нашими прекрасными портами на берегахъ Татарскаго пролива и Японскаго моря.

Исторія свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Во время Восточной войны, когда почти вся Европа явно или тайно была противъ насъ, военныя дѣйствія охватили всѣ наши приморскія владѣнія въ Старомъ Свѣтѣ. Главные удары были направлены противъ Черноморскаго побережья, а затѣмъ противъ Балтійскаго и Тихоокеанскаго.

Попытки Англо-Французовъ противъ нашихъ тихоокеанскихъ береговъ, которые въ то время простирались на югъ только до 49° сѣверной широты, т. е. до Императорской Гавани, были очень настойчивы.

Въ то время нашъ главный портъ находился въ Камчаткѣ въ Петропавловскѣ. Только въ 49-мъ году, т. е. за четыре

года до Восточной войны было открыто устье Амура и затѣмъ до 1853 года заняты нами заливы Счастія, Де-Кастри и Императорская Гавань.

Не смотря на наши открытія, въ Европѣ во времени начала Восточной войны держались еще стараго мнѣнія Ля-Перуза и Броутона, что лиманъ Амура не доступенъ для плаванія, Сахалинъ же полуостровъ, соединяющійся съ материкомъ у нынѣшнихъ мысовъ Лазарева и Муравьева, т. е. къ югу отъ устья Амура.

Однако и подобная ошибочная географія не мѣшала европейцамъ, а въ особенности англичанамъ, вполне цѣнить выгоды владѣнія устьями Амура и прибрежными гаванями. Уже въ 1848 году начались ихъ попытки проникнуть къ Амуру изъ Сибири, чтобы изучить эту рѣку, и принять, очевидно, затѣмъ соотвѣтствующія мѣры.

Въ этомъ году англичанинъ Остенъ, подъ видомъ туриста, прибылъ въ Иркутскъ и успѣлъ уже уѣхать въ Забайкалье до Нерчинска, гдѣ полагалъ, построивъ плотъ, спуститься по Шилкѣ и Амуру. Но наше правительство, въ лицѣ генераль-губернатора Муравьева, уже тогда имѣло виды на эту рѣку; была рѣшена экспедиція Невельского; а потому Н. Н. Муравьевъ, не долго думая, послалъ въ догонку за Остеномъ, котораго и вернули въ Иркутскъ подъ благовиднымъ предлогомъ.

Восточная война открыла широкое поле для дѣйствій англичанъ, а за ними и ихъ союзниковъ, французовъ. Не приходилось болѣе дѣйствовать осторожно и подъ личиною купцовъ и туристовъ. Уже лѣтомъ 1854 года, т. е. непосредственно послѣ того, какъ Англія и Франція соединились съ атакованной нами Турціей, ихъ сильная эскадра изъ семи судовъ съ 240 орудіями явилась передъ Петропавловскомъ въ Камчаткѣ.

Пунктъ для удара былъ выбранъ превосходно: тамъ находился нашъ единственный портъ на Тихомъ океанѣ, и съ его паденіемъ мы лишались главной точки опоры нашей тихоокеанской флотиліи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и значенія въ восточныхъ моряхъ.

24-го Августа 1854 года Англо-Французы бомбардировали наши два военные судна, стоявшія въ гавани, и произвели десантъ. Но они были отбиты съ большимъ урономъ и потерпѣли полную неудачу, хотя обладали двойными силами противъ насъ. Нашъ трофей было англійское знамя.

Они не возобновляли болѣе атаки и ушли въ море.

На сколько эта неудача была чувствительна, видно изъ того, что англійскій адмиралъ Прайсъ не вынесъ позора своего пораженія и застрѣлился.

Но въ то время, какъ союзники пытались взять Петропавловскъ и тѣмъ лишить насъ важнѣйшаго нашего порта, онъ уже уступилъ свое значеніе другому, гораздо болѣе важному, и выгоднѣе расположенному, пункту.

14-го Мая 1854 года, предводимые лично Муравьевымъ, мы стали твердою ногою въ устьѣ Амура. Въ этотъ день первая военная экспедиція прибыла въ Маринскій постъ, лежащій близъ озера Кизи, откуда до залива Де-Кастри*) всего нѣсколько верстъ.

Немедленно по указанію генералъ-губернатора Муравьева приступлено къ укрѣпленію Николаевска, запирающаго устье Амура.

Узнавъ о Петропавловскомъ сраженіи, предвидя, что на этомъ дѣло не остановится, Муравьевъ приказалъ перенести портъ со всѣми учрежденіями въ устье Амура.

*) Значеніе этого залива очень велико: онъ является какъ бы вторымъ устьемъ Амура, на 160 верстъ южнѣ настоящаго, именно благодаря тому изгибу, который дѣлаетъ здѣсь Амуръ, соединяющійся съ озеромъ Кизи.

Весною слѣдующаго 1855 года наша эскадра изъ шести судовъ, исполняя приказаніе Муравьева, вышла изъ Петропавловска и, обогнувъ Сахалинъ съ юга, стала на якорѣ въ Де-Кастри.

Въ началѣ Мая появилась передъ Де-Кастри англійская эскадра; ограничившись на этотъ разъ только обмѣномъ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ нашимъ корветомъ, она ушла въ море.

Тогда, по приказанію Муравьева, принявшему главное начальство надъ всѣми нашими сухопутными и морскими силами на побережьѣ Тихаго океана, начальникъ эскадры, адмиралъ Завойко, перевелъ ее къ мысу Лазарева и приступилъ къ укрѣпленію берега въ этомъ самомъ узкомъ мѣстѣ Татарскаго пролива, едва имѣющемъ здѣсь 8 верстъ ширины.

Идти въ устье Амура нельзя было, такъ какъ еще не разошелся ледъ.

Нѣсколько дней спустя англичане опять подошли къ Де-Кастри, но на этотъ разъ никого уже тамъ не застали и бросились искать нашу эскадру. Принимая Татарскій проливъ за заливъ, они не считали возможнымъ для нашихъ судовъ уйти къ сѣверу, а потому сами пошли на югъ, гдѣ, конечно, никого не нашли.

Тѣмъ временемъ Муравьевъ занялъ небольшимъ отрядомъ Де-Кастри, а лѣтомъ перевелъ нашу эскадру въ устье Амура.

Въ Октябрѣ англичане сдѣлали новую попытку овладѣть Де-Кастри, упустивъ удобный случай въ Маѣ. Но они встрѣтили рѣшительный отпоръ и ихъ десантъ совершенно не удался, несмотря на малочисленность нашего отряда.

Нѣсколько дней они еще оставались въ виду Де-Кастри, производя безполезную бомбардировку, и 10-го Октября ушли въ море.

Этимъ и кончаются попытки союзниковъ овладѣть нашими портами и уничтожить наши военно-морскія средства на крайнемъ Востоѣ.

Знай они, что у мыса Лазарева проливъ доступенъ для судовъ большого ранга, а устье Амура занято нами и тоже доступно, хотя и для меньшихъ судовъ, вѣроятно ихъ попытки были бы еще настойчивѣе и направлены не къ Де-Кастри. Надо думать, что и тогда они не много выиграли бы, такъ какъ Муравьевъ уже успѣлъ прочно основаться у устья Амура; объ укрѣпленіяхъ же Николаевска они въ то время, конечно, не имѣли ни малѣйшаго понятія.

Если я остановился на изложеніи послѣдовательнаго хода покушеній союзниковъ противъ нашего тихоокеанскаго побережья и мѣръ принятыхъ нами для противоудѣйствія имъ, то единственно потому, что съ этой эпохи, т. е. съ 50-хъ годовъ нашего столѣтія (писано въ XIX в.) европейскія государства оцѣнили по достоинству значеніе гаваней на сѣверо-восточномъ берегу Азіи. Кромѣ того только со времени Восточной войны эти берега являются предметомъ спора Россіи съ Европой и Китаемъ.

Россія въ концѣ концовъ осталась единственной обладательницей этого побережья, въ которому, по Айгунскому трактату, заключенному Муравьевымъ 16-го Мая 1858 года, отошла вся береговая полоса вплоть до Корейскаго королевства. Этимъ путемъ число удобныхъ гаваней значительно увеличилось и лучшія оказались на южной оконечности этой длинной полосы, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Кореей, и недалекомъ разстояніи отъ части Манчжуріи, находящейся во власти Китая.

Мы видѣли, что не зная еще объ открытіяхъ Невельскаго, считая по Ла-Перузу Сахалинъ за полуостровъ, а лиманъ Амура не проходимымъ, союзники обратили главный

ударъ противъ Петропавловска и, конечно, поступили совершенно цѣлесообразно. Ихъ попытка не удалась. Тогда они ищутъ нашу эскадру къ югу и къ сѣверу отъ узкой части Татарскаго пролива и этою, впрочемъ, естественною ошибкою помогаютъ намъ окончательно закрѣпить за собою наши новыя пріобрѣтенія.

Съ нашей стороны мы видимъ совершенно вѣрную оцѣнку Муравьевымъ стратегической обстановки.

Дѣло подъ Петропавловскомъ показалось удачнымъ, но никто не могъ ручаться за то, что союзники не повторятъ своей попытки съ гораздо большими силами и не увеличатъ ее успѣхомъ. Подкрѣпить же Петропавловскъ намъ не представлялось возможнымъ за громадностью разстоянія, отдѣлявшаго его отъ устья Амура, гдѣ были собраны наши сухопутныя силы и часть морскихъ. Кромѣ того желать быть сильнымъ и тамъ и тутъ, безъ резервовъ и помощи откуда бы то ни было, не было никакой возможности. Пришлось бы разбросаться и быть вездѣ слабымъ. Тогда Муравьевъ принимаетъ по истинѣ героическое рѣшеніе, въ дѣйствительности единственное въ данномъ случаѣ: рѣшеніе бросить на произволъ судьбы Петропавловскъ и собрать всѣ, какъ сухопутныя, такъ и морскія силы у устья Амура.

Съ точки зрѣнія сосредоточенія силъ это рѣшеніе было правильно; но теорія и практика военного дѣла учатъ, что недостаточно только сосредоточить силы, а надо ихъ собрать къ рѣшительной минутѣ и въ найважнѣйшемъ пунктѣ. Удовлетворяло ли принятое рѣшеніе и этимъ двумъ положеніямъ? факты и географія говорятъ, что удовлетворяло. Если эскадра, атакующая Петропавловскъ въ 1854 году, состояла изъ семи судовъ, то въ слѣдующемъ, 1855, ихъ было уже нѣсколько десятковъ въ Охотскомъ и Японскомъ моряхъ, искавшихъ нашу эскадру. Иначе говоря, непріятель направилъ туда все, что могъ. Значитъ время для сосредоточенія

нашихъ силъ было выбрано, если можно такъ выразиться, своевременно.

Теперь третье условіе — мѣсто. Хорошо ли поступилъ Муравьевъ, что собралъ все что могъ для защиты Амура, или правильнѣе, его устья. Если мы владѣемъ домомъ, то естественно ключъ долженъ находиться въ нашемъ распоряженіи, а не у вора, иначе онъ къ намъ заберется и похозяйничаетъ въ нежелательномъ для насъ духѣ. А вѣдь устье Амура — это ключъ для Восточной Сибири.

Потеря Петропавловска, Охотска, Аяна, даже Императорской гавани, все это не значило ничего передъ потерей устья Амура. Занявъ любую изъ вышеназванныхъ гаваней, непріятель этимъ и ограничивался, такъ какъ ни удобныхъ дорогъ, ни рѣкъ не существуетъ, чтобы служить связью между ними и внутренностью материка.

Другое дѣло устье Амура. Здѣсь громадная судоходная рѣка, которая связываетъ океанъ съ самымъ сердцемъ Сибири. И пока рѣка эта будетъ судоходна лѣтомъ и удобна для флоту зимою, до тѣхъ поръ устье Амура не измѣнитъ своего значенія и, желѣзныя дороги, ни другія усовершенствованія, не могутъ у него его отнять.

Желѣзная дорога, правда раздѣлитъ съ Амуромъ его значеніе, какъ великаго восточнаго сибирскаго пути. Но не было еще примѣра, чтобы желѣзная дорога могла убить значеніе судоходной рѣки, въ смыслѣ дешевизны и удобства.

Въ военномъ же и экономическомъ отношеніяхъ Амуръ будетъ всегда желаннымъ путемъ для нашихъ враговъ въ случаѣ новой войны на Востокѣ.

Еще и нынѣ существующія укрѣпленія Николаевска показываютъ, что значеніе Амура было вѣрно оцѣнено его завоевателемъ, Муравьевымъ Амурскимъ.

III.

Военныя средства Приамурскаго края, въ своемъ настоящемъ положеніи, не представляютъ достаточной гарантіи, во-первыхъ, къ удержанію его въ случаѣ войны съ Китаемъ и его союзниками при наступленіи непріятеля, и во-вторыхъ — обезпеченной базы для нашихъ войскъ, въ случаѣ нашего наступленія.

Причины эти заключаются въ громадности линіи, которую надо оборонять, въ отсутствіи укрѣпленныхъ пунктовъ, въ неимѣніи канонерскихъ лодокъ на Амурѣ и Уссури и недостаточности нашихъ войскъ въ краѣ.

Длина всей пограничной линіи, считая отъ Усть-Стрѣлки до залива Посъета, около 3000 верстъ. Чтобы судить, гдѣ наиболѣе чувствительныя мѣста нашей границы, надо указать, по какимъ путямъ могутъ наступать китайцы.

База китайцевъ въ Маньчжуріи — Гиринь, лежащій на Сунгари. Всѣ ихъ пути наступленія къ нашимъ предѣламъ начинаются близъ этого города.

Считая съ запада, они имѣютъ:

1) Гиринь - Цицигарь - Мергенъ - Айгунъ. Длина 980 верстъ. Весь путь лежитъ по населенной мѣстности, при-

чемъ на протяженіи 780 верстъ, до Мергена, сопровождается рѣками Сунгари и Нонъ-Ула, по которымъ удобно сплавлять всѣ тяжести наступающей колонны. Остается до Айгуна 200 верстъ исключительно сухопутной дороги. Отъ Айгуна же до Благовѣщенска и устья Зеи 60 верстъ по Амуру и его правому берегу, густо заселенному въ этомъ мѣстѣ.

Всего же, если принять предметомъ дѣйствій Благовѣщенскъ, длина пути этого будетъ 1040 верстъ, по удобной и населенной мѣстности.

2) Гиринъ-Санъ-Синъ-устье Сунгари. Длина 960, или 760 верстъ. Все время въ распоряженіи наступающей колонны рѣка Сунгари и двѣ сухопутныя дороги: а) на Бодунъ и Ажехе въ 960 верстъ и б) на Лалинъ въ 760 верстъ; обѣ сходятся у Санъ-Сина откуда послѣдняя 360 верстъ по берегу Сунгари, которая судоходна на всѣмъ протяженіи отъ Гирина.

3) Гиринъ-Санъ-Синъ-устье Нора (впадаетъ въ Уссури). Длина 700 верстъ.

Сунгари и Норъ облегчаютъ дѣйствія по этому пути, который, однако, хуже двухъ предыдущихъ. Предметомъ дѣйствій двухъ послѣднихъ путей, № № 2 и 3, можетъ служить Хабаровка, до которой по каждой изъ этихъ дорогъ придется сдѣлать еще около 100 верстъ по Амуру, или Уссури.

4) Гиринъ-Санъ-Синъ-Турій-Рогъ. Длина 675 верстъ, а до Владивостока 970. Все время сухимъ путемъ и частью, около двухсотъ верстъ, до Турьяго Рога, по малонаселенной мѣстности.

Отъ этой же дороги можно свернуть по рѣкѣ Мурени и выйти на Уссури къ станицѣ Графской (будущая станція желѣзной дороги).

5) Гиринъ-Нингута-Полтавскій караулъ. Длина 560 верстъ, а до Владивостока 700. Все время по порядочной и населенной дорогѣ.

6) Гиринь-Нингута-Хунчунь. Длина 570 верстъ, а до залива Посъета 550. Тоже хорошая дорога.

Если мы проведемъ прямую линию отъ устья Сунгари до залива Посъета, то на протяженіи 550 верстъ находимъ 7 различныхъ путей, которые могутъ служить для наступленія китайцевъ. Отъ Покровки же до устья Сунгари прямая линія почти вдвое длиннѣе — около 1000 верстъ, а путь только одинъ — къ Айгуну, или Благовѣщенску.

Подобное распредѣленіе дорогъ, связующихъ Маньчжурію съ Приамурскимъ краемъ, ясно показываетъ сравнительную важность, которую придаетъ китайское правительство различнымъ его частямъ.

Очевидно также здѣсь стремленіе китайцевъ къ морю.

У насъ оцѣнили это относительное значеніе нашихъ Приамурскихъ владѣній, и центръ тяжести обороны ихъ сосредоточенъ въ Южно - Уссурийскомъ краѣ, гдѣ находится и главная наша крѣпость, сосредоточено наибольшее количество войскъ и имѣетъ пребываніе наша тихоокеанская эскадра, когда не находится въ плаваніи.

Однако, нельзя не признать, что, въ случаѣ серьезнаго столкновенія съ Китаемъ, тѣхъ силъ, которыми мы располагаемъ, окажется недостаточнымъ.

Будущая война съ Китаемъ будетъ одновременно и войною съ Англіей; слѣдовательно, насъ атакуютъ не на одномъ только трехтысячеверстномъ протяженіи сухопутной границы, но и съ моря.

Оборонять наши границы съ Китаемъ можно или пассивно, выжидая наступленія непріятели, или активно, наступая самимъ вглубь Маньчжуріи.

Для пассивной обороны мы имѣемъ пока только то, что дала природа, а для наступленія не обладаемъ достаточными силами и обезпеченной базой.

Конечно, при борьбѣ съ однимъ Китаемъ наше положеніе еще не такъ дурно. Но на такое благоприятное стеченіе обстоятельствъ лучше не рассчитывать, а при изслѣдованіи обороны страны брать наиболѣе тяжелыя условія.

И такъ, за основаніе возьмемъ союзъ Китая съ Англіей, а пожалуй и съ Германіей.

Противъ этой коалиціи мы имѣемъ двѣ крѣпости: Владивостокъ и Николаевскъ. Первая находится подъ 43-мъ градусомъ сѣверной широты, а вторая подъ 53-мъ, т. е. даже по прямой линіи разстояніе между ними болѣе 1000 верстъ, а въ дѣйствительности и гораздо больше. Однако, то, что между ними нѣтъ ни одного укрѣпленнаго промежуточнаго пункта, не представляетъ для насъ невыгоды, такъ какъ берегъ Татарскаго пролива между устьемъ Амура и заливомъ Петра Великаго мало заселенъ, и отъ него нѣтъ никакихъ путей въглубь материка.*)

Слѣдовательно можно ограничиться имѣющимися двумя крѣпостями. Но, всматриваясь ближе въ ихъ значеніе, мы видимъ: что Николаевскъ находится въ полномъ упадкѣ и безъ вооруженія, (нельзя считать за таковое орудія, привезенныя въ 50-хъ годахъ во время Восточной войны); есть даже голоса, высказывающіеся, увы, за полное его упраздненіе.

Остается только одинъ Владивостокъ. Одинъ же онъ совершенно недостаточенъ; во-первыхъ потому, что онъ одинъ, т. е. представляетъ изъ себя точку, которую всегда можно изолировать, или обойти; во-вторыхъ потому, что онъ слабъ, такъ какъ при одиннадцативерстной линіи сухопутной обороны, не считая береговыхъ батарей, нельзя ограничиться тремя, или даже пятью баталіонами, а увеличеніе его гарнизона

*) Къ сожалѣнію теперь (1909) эти обстоятельства измѣнились не въ нашу пользу — берегъ заселенъ — но не русскими, путей же черезъ горы уже достаточно.

поведеть къ уменьшению его силъ, дѣйствующихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ; въ третьихъ Владивостоѣ находится на самомъ концѣ всей нашей оборонительной линіи, да еще на наиболѣе удаленномъ отъ внутреннихъ губерній. Затѣмъ болѣе никакихъ укрѣпленій въ краѣ не имѣется. Кромѣ крѣпостей мы имѣемъ войска, которыя массированы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, а въ остальныхъ мѣстахъ находятся по баталіону въ Николаевскѣ, въ Хабаровскѣ и въ Благовѣщенскѣ. *)

*) Какъ интересную справку привожу тамошнюю дислокацію 1891 года.

Владивостоѣ: 1, 5, 7 линейные Восточно-Сибирскіе баталіоны; 2-й Западно-Сибирскій лн. бат.; три роты крѣпостной артиллеріи; 1-й Восточ. Сиб. Саперная рота; Сибирскій флотскій экипажъ.

Раздольный: 1-й Восточ.-Сиб. стрѣлков. бат.

Никольское: 3, 4, 5 Вост.-Сиб. стрѣлков. бат.; 2-я легкая батарея съ горнымъ дивизиономъ (8 легкихъ и 8 горныхъ пушекъ); 4-я горная батарея (16 орудій).

Анучино: 2-й Вост. Сиб. стрѣлков. баталіонъ; 5-я сотня Забайкальскаго казачьяго полка.

Камень Рыболовъ: Уссурійскій казачій дивизионъ.

Урочище Атамановское: 1-я Уссурійская конная регулярная сотня.

Полтавскій караулъ: 3-я сотня Забайк. каз. полка.

Новгородское (Посыеть): 6-й Вост. Сиб. стр. бат.

Новокиевское: 7, 9 и 10 Вост.-Сиб. стр. бат.; 3 горная батарея (16 орудій).

Хунчунскій караулъ: 2-я Уссурійская регулярная сотня.

Барабашъ (Мангутай): 8-й Вост. Сиб. стр. бат.; 4-я сотня Забайк. каз. полка.

По побережью: на Сучанѣ (заливъ Америка, Находка). 30 чел. съ офицеромъ изъ гарнизона Владивостока.

Заливъ Св. Ольги: 50 чел. съ офицеромъ отъ гарнизона Николаевска.

По Амуру: Благовѣщенскъ: 2-й Вост. Сиб. лн. бат.

Хабаровка: 3-й Вост. Сиб. лн. бат.; 1-я легкая батарея съ горнымъ дивизиономъ (8 легкихъ и 8 горн. орудій).

Николаевскъ: 6-й Вост. Сиб. лн. бат.

На Сахалинѣ: въ Карсаковѣ, Тымовской, Дуэ и Александровскѣ мѣстныхъ команды около 1500 человекъ.

Троицкосавскъ: 2-й Вост. Сиб. лн. бат.

Нельзя не признать что наши средства весьма ограничены, а если обратимъ внимание на то, что уже имѣетъ Китай и что скоро будетъ имѣть—то сравненіе окажется не въ нашу пользу *).

Правда, наше положеніе предполагается исправить проведеніемъ желѣзной дороги, но она еще не готова, да и готова то будетъ не скоро **). Къ тому же при теперешнемъ состояніи инженерной подготовки этого театра, желѣзная дорога даже не успѣетъ принести ожидаемую отъ нея пользу, даже если война начнется по ея окончаніи.

Первое на что надо обратить вниманіе, какъ на самый лакомый кусокъ и для бѣтйайцевъ и для ихъ союзниковъ—это на Южно-Уссурійскій край.

Тамъ намъ полезно имѣть слѣдующіе укрѣпленные пункты: 1) Владивостокъ, 2) Посѣтъ, 3) Никольское и 4) Камень Рыболовъ.

Первые два находятся по обѣ стороны Амурскаго залива и, если держать эскадру между ними, то въ достаточной степени обезпечиваютъ наше южное побережье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣвый флангъ и тылъ Южно-Уссурійскаго отряда. Сверхъ того Посѣтъ, ужъ давно облюбованный китайцами, какъ удобный портъ для сѣверо-восточной Маньчжуріи, будетъ обезпеченъ отъ внезапнаго, и, сравнительно легкаго захвата.

*) Смѣю думать, что и нынѣ (1909) послѣ урока 1904/5 г. г. хотя кое что и сдѣлано но, какъ и всегда у насъ, въ поль-дѣла и къ будущему экзамену, пожалуй, опять не будемъ готовы.

**) Участокъ до Владивостока отъ Графской будетъ готовъ (по условію) черезъ 4 года, хотя инженеръ Урсати (строитель дороги) говорить мнѣ, что предполагаетъ окончить его въ три. 4 же года надо для проведения линіи до Хабаровки, т. е. Амуръ и Владивостокъ могутъ быть связаны рельсовымъ путемъ не ранѣе 7 или 8-ми лѣтъ. Черезъ всю же Сибирь трудно сказать когда будетъ готова дорога (1891).

(И теперь, въ 1909 г. она еще не готова; вѣдь нельзя же маньчжурскую линію по чужому государству считать за свою дорогу).

Никольское находится у того мѣста рѣки Суйфуна, гдѣ она дѣлаетъ поворотъ на югъ, т. е. течетъ параллельно нашей границѣ и въ разстояніи отъ нея двухъ переходовъ. Необходимость постройки укрѣплений у Никольскаго обуславливается тѣмъ: 1) что получается опорный пунктъ для отряда оперирующаго изъ Южно-Уссурійскаго края, такъ какъ Никольское лежитъ по отношенію къ сухопутнымъ войскамъ въ условіяхъ болѣе выгодныхъ, нежели Владивостокъ, находящійся на самой оконечности узкаго полуострова Муравьева-Амурскаго и потому имѣющій преимущественно характеръ и значеніе приморской крѣпости; 2) что находится въ узлѣ дорогъ на Владивостокъ, Посѣтъ, Камень Рыболовъ и Полтавскій караулъ (т. е. на Нингуту и Гиринъ); 3) что обезпечиваетъ правый флангъ оборонительной линіи по Суйфуну; 4) прикроетъ будущую желѣзную дорогу и 5) остатки старинныхъ китайскихъ укрѣплений показываютъ, что уже и прежде этотъ пунктъ имѣлъ значеніе.

Камень Рыболовъ при недостаткѣ средствъ можно и не укрѣплять, однако выгоды его слѣдующія: 1) наша база для Южно-Уссурійскаго отряда, оперирующаго противъ Маньчжуріи, получить три опорныхъ пункта: Посѣтъ, Никольское и Камень Рыболовъ на протяженіи 300 верстъ; правый флангъ ея упрется въ озеро Ханка. Благодаря этому наши войска получатъ большую свободу маневрированія; 2) надѣжно обезпечить первый участокъ желѣзной дороги отъ Владивостока до Графской и 3) въ случаѣ наступленія непріятеля можетъ заставить его разбросать свои силы.

Наконецъ укрѣпленія построенныя въ указанныхъ трехъ пунктахъ, запрутъ все дороги, ведущія изъ Маньчжуріи въ Южно-Уссурійскій край.

Слѣдующій по значенію за этимъ краемъ—Амуръ имѣетъ пока одну только крѣпость—Николаевскъ. Дальнѣйшее су-

ществованіе его, какъ крѣпости, какъ выше сказано, находится подъ сомнѣніемъ; между тѣмъ какъ ее не то что нельзя упразднить, а, напротивъ, слѣдуетъ привести въ порядокъ и снабдить хорошей артиллеріей.

Значеніе Николаевска заключается главнымъ образомъ въ томъ, что, владѣя рѣкою, изливающейся въ открытое море, нельзя оставить безъ вниманія ея устья. Полагать же, что непріятель не пойдетъ на Николаевскъ, а предпочтетъ устремиться на другіе пункты, значить самого непріятеля ставить ни во что. Пренебреженіе же врагомъ никогда и никого не доводило до добра.

Если непріятелю удастся овладѣть Николаевскомъ, онъ получитъ отличную дорогу въ глубь страны и, безпрепятственно подымаясь вверхъ по Амуру, перехватитъ нашу будущую желѣзную дорогу, т. е. окончательно отрѣжетъ Уссурійскій край отъ остальной территоріи. Сдѣлать же это очень легко, такъ какъ Уссурійскій край представляетъ собою мѣшокъ, подвѣшанный къ Россіи на явномъ теченіи Амура. А когда въ этомъ мѣстѣ его отрѣжутъ, то онъ очевидно упадетъ.

Наконецъ, движеніе на Николаевскъ есть обходъ Владивостока, и тѣмъ болѣе предательскій что, совершенный на громадномъ отъ него разстояніи, онъ тѣмъ не менѣе лучше всякаго ближайшаго посодѣйствуетъ его паденію. Основывать же надежды на базированіе на флотъ, когда Уссурійскій край будетъ изолированъ, значить рассчитывать на невѣрное. Нашъ флотъ въ Тихомъ океанѣ слабѣе флотовъ Англіи и Китая; если же онъ будетъ запертъ, какъ и можно ожидать, у Владивостока, то какая отъ него польза *)

*) Разговоръ о флотѣ, конечно, имѣлъ смыслъ пока онъ еще у насъ существовать.

И съ этой стороны видно значеніе Николаевска, какъ увеличивающаго нашу базу.

Далѣе на Амурѣ нѣтъ больше никакихъ укрѣпленій. Для обезпеченія же за собою этой рѣки намъ слѣдуетъ укрѣпить Благовѣщенскъ и устье Сунгари. *)

Выгоды укрѣпленія противъ устья Сунгари слѣдующія: 1) мы препятствуемъ выходу китайскихъ судовъ изъ Сунгари въ Амуръ; 2) они служатъ опорнымъ пунктомъ для нашихъ войскъ обороняющихъ Амуръ; 3) прикрываютъ будущую желѣзную дорогу; 4) служатъ обезпеченіемъ угольной станціи для нашихъ паровыхъ судовъ и 5) въ случаѣ нашего наступленія по Сунгари (что представляетъ большія преимущества, благодаря отличной коммунікаціонной линіи) служатъ базой для отряда и рѣчной флотиліей.

Третій важный пунктъ на Амурѣ — Благовѣщенскъ, можетъ быть поставленъ почти наравнѣ съ Николаевскомъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и выше. Благовѣщенскъ самый значительный нашъ городъ на Амурѣ. Какъ быстро онъ растетъ, можно судить потому, что 10 лѣтъ назадъ въ немъ было 10,000 жителей, а теперь же болѣе двадцати т. е. въ 10 лѣтъ число ихъ удвоилось. **)

Городъ этотъ находится въ самомъ населенномъ и плодородномъ мѣстѣ Амурскаго края, близъ бассейна Зеи, гдѣ лежатъ богатѣйшіе золотые прииски; ниже Зеи, по лѣвому берегу Амура, живутъ маньчжуры, оставленные на этихъ мѣстахъ въ силу 2-ой статьи Айгунскаго трактата. Противъ Благовѣщенска большое китайское селеніе Сахалинь-Ула-Хо-

*) Событія 1900 г. достаточно подтвердили правильность этого моего мнѣнія.

**) Нынѣ же, 1909 годъ, болѣе 40.000. Обѣ выноски Мая 1909 г.

тонъ, а 60 верстъ ниже ихъ главный городъ на Амурѣ — Айгунь, съ значительнымъ населеніемъ. Отсюда же идетъ хорошая дорога на Цицигарь, о которой говорено выше.

Потеря Благовѣщенска повлечетъ за собою: 1) потерю лучшаго города края; 2) потерю устья Зеи, а съ нимъ перейдетъ въ руки китайцевъ плаваніе по этой рѣкѣ, что отдастъ въ ихъ власть лучшія поселенія и наиболѣе хлѣбородныя земли, снабжающія хлѣбомъ прииски Зейскаго бассейна; 3) владѣніе же такою судоходною рѣкою, какъ Зея, дастъ китайцамъ возможность подняться по ней далеко вверхъ и прервать наше сообщеніе по желѣзной дорогѣ, т. е. сдѣлать то же, что и ихъ союзники по овладѣнію Николаевскомъ.

Укрѣпленный же Благовѣщенскъ помимо устраненія всѣхъ этихъ невыгодныхъ случайностей, представитъ собою обезпеченную угольную станцію и базу для нашего отряда, если таковой будетъ двинутъ на Цицигарь.

Итакъ, обезпеченная укрѣпленіями линія Благовѣщенскъ-устье Сунгари образуетъ нашу прочную базу для операцій противъ сѣверной Маньчжуріи и дастъ точки опоры и защищенные мѣста для нашей рѣчной флотиліи. Другихъ укрѣпленій на Амурѣ не нужно, тѣмъ болѣе, что только въ этихъ двухъ пунктахъ выходятъ на Амуръ хорошіе пути изъ Маньчжуріи.

Связью между обоими театрами, т. е. Южно-Уссурийскимъ и Амурскимъ служатъ рѣки Сунгача и Уссури, а когда будетъ готова — то и желѣзная дорога.

Выше указано, что китайцы имѣютъ два дебуше на Уссури, гдѣ и могутъ нанести намъ громадный вредъ пересѣченіемъ пути по этой рѣкѣ, а именно у устьевъ Нора и Мурени. Ясно, что противъ устья этихъ рѣкъ, слѣдуетъ тоже возвести укрѣпленія.

Главный городъ въ административномъ отношеніи всего края, Хабаровка, лежащій въ рѣчномъ узлѣ Амура и Уссури, не нуждается въ укрѣпленіи, такъ какъ наступать на него можно только отъ Николаевска, или отъ устьевъ Сунгари, или Нора; всѣ же эти пункты и безъ того должны быть обезпечены укрѣпленіями, по причинамъ еще болѣе важнымъ, нежели защита Хабаровки.

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА КАПИТАНЪ

Гр. Муравьевъ - Амурскій.

С.-Петербургъ, Декабрь 1891 г.